

ТАРЯНЕ

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск II

Омск
Амфора
2015

Таряне
Литературно-краеведческий альманах

Учредители:

Администрация Тарского муниципального района Омской области
Тарское отделение Омской областной общественной организации
Союза писателей России
Тарская районная общественная организация
«Историко-краеведческий центр «Тарский уезд»

Издатель:

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Тарская централизованная библиотечная система»,

Редакционная коллегия:

О. Г. Старинская, А. А. Тихонов, Т. И. Царегородцева

Технический редактор:

А. Н. Калинина

Адрес редакции:

Омская область, г. Тара, ул. Александровская, 58.
Тел/факс 838171 2-12-42
E-mail: tara_libraru79@mail.ru Сайт: www.tara-lib.ru

При использовании материалов, опубликованных в альманахе, ссылка обязательна.
Редколлегия оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами,
произведения которых не будут опубликованы.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Т 22 Таряне: литературно-краеведческий альманах. Вып. 2. – Омск: Амфора, 2015. – 58 с.

ББК 84(2Рос-4Омс-5Тар)6

ISBN

© Администрация Тарского муниципального района Омской области, 2015
© Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Тарская централизованная библиотечная система», 2015
© Авторы
© ООО «Амфора», 2015

«СИБИРЬ УЧИТ ОСНОВАТЕЛЬНОСТИ МЫШЛЕНИЯ...»

«Какая литература может быть в провинции?» – с едким удивлением вопрошают некоторые деятели из крупных городов. Но литература в Таре есть, и есть поэты и прозаики. Разные по характеру, а значит, и произведения у них разные.

Мы с гордостью вспоминаем яркие имена поэтов, живших и трудившихся на тарской земле: Леонид Чашечников, Михаил Сильванович, Яков Горчаков, Михаил Белозёров...

Не отстают и современные авторы. Это Александр Дерюшев, чьи стихотворения и прозу охотно печатают как отечественные, так и зарубежные издания (одна из «крайних» публикаций доктора – в австралийском журнале «Образ»), и Андрей Казаков со скандальным «Тарским компендиумом», это Ирина Шевелёва и Даниил Плахин, становившиеся в разные годы лауреатами региональной поощрительной литературной премии имени Ф. М. Достоевского. Песни на стихи Сергея Мальгавко вот уже два десятилетия поют на всех праздниках Тарского района и за его пределами. А песню «Добро пожаловать!» на стихи Татьяны Бурдуковой знает каждый, кто хоть раз бывал в Таре. Это благодаря ей появилась традиция встречать гостей города брусничным пирогом.

В Таре живёт сценарист сериалов «Хиромант», «Иное», автор романа «Гулы» Сергей Кириенко, недавно попробовавший свои силы в драматургии. На протяжении всего года на сцене Северного драматического театра имени М. А. Ульянова с успехом шла постановка по его пьесе «Как мне остаться с тобой?», а совсем недавно состоялась премьера спектакля «Вход через сон».

Поэтесса Татьяна Комылина также успешно пробует силы в драматургии – в нынешнем году она побывала в Москве, на съезде драматургов.

2015 год, объявленный годом литературы в России, принёс немало творческих успехов тарским авторам.

Медалью М. Ю. Лермонтова в 2015 году награждена поэтесса Ольга Старинская. Книга Натальи Кусковой «Наполню себя тишиной» в числе лучших поэтических книг региона была размещена на сайте Министерства культуры Омской области.

На протяжении минувшего года собирала награды дебютная книга Александра Тихонова «Облачный парус». Автор из Тары был удостоен звания лауреата Всероссийской литературной премии имени Михаила Юрьевича Лермонтова, региональной молодёжной литературной премии имени Ф. М. Достоевского. В рецензии на данную книгу известная поэтесса Диана Кан написала: «Сибирь учит основательности мышления...».

И действительно – авторы из сибирской провинции не отвлекаются на бессмысленную околосредоточенную мишуру. Они пишут и своим словом доказывают, что в Таре всегда были и всегда будут талантливые писатели. И даже если выходцы из Тары живут далеко за пределами Омской области, интонации общие, они – как подпись. В стихах и рассказах, пьесах и очерках они верны своей малой родине.

Летом 2015 года, когда увидел свет первый выпуск альманаха «ТарЯне», массу споров вызвало его название. «Нет, не назывались мы тарянами!» – протестовали одни. «Правильно, давно пора становиться тарянами», – согласно кивали другие. Но всех, как и авторов альманаха, объединило одно – любовь к своему городу. Никто не сказал: «Таряне? Тарчане? Какая мне разница...» Ни один человек.

Во втором выпуске альманаха вас ждут как произведения авторов, чьи имена уже известны тарянам, так и творчество молодых сочинителей, публикующихся впервые. Для них, делающих первые шаги в литературе, мы создали рубрику «Робкие строчки».

На страницах альманаха опубликованы произведения лауреатов районного литературного конкурса «Проба пера» – рассказ Татьяны Синяк и стихи Павла Бикетова.

В этом выпуске появилась также рубрика «Литературные встречи», в которой публикуются произведения гостей нашего города.

Приятного прочтения. Всего вам доброго, дорогие таряне!

Редакционная коллегия

АЛЕКСАНДР МИЛЕВСКИЙ

Родился в 1988 г. в Таре. Работал хирургом в Тарской центральной районной больнице. Стихи публиковались в коллективных сборниках Тары и Омска, в литературно-художественном альбоме «Палитра старого города» (Омск, 2012). Живёт в Мурманске.

ПАМЯТЬ

Только помню –
голуби
на брусчатке города.
Только помню –
проруби
в воду были вколоты.
Только помню –
птицами
пролетали конницы.
Только помню
лица их,
имена – не помнятся.

ТУМАН

Сегодня небу лучше у земли.
Закрой глаза: мы всё равно в тумане
С тобою близоруки. Что вдали?
Цепочка непонятных очертаний –
Цепочка зданий? Солнце – как Луна?
Нет! Там намного ярче, интересней –
Там жизнь, хоть нам с тобой она
Едва видна. Но звучны её песни!
Постой на месте.
Слышишь?
Мы летим, когда нам кажется,
Что мы стоим на месте...

* * *

Взять бы, перевернуть
на голову (с ног?) свою
искренность, чтобы ртуть
не снизу, а сверху – к нулю
смогла подползти. И ещё

слепок дыхания (дым)
смог бы убить на счёт
«три», не оставив следы
в памяти (глубже всех!).
Ну, а пока – в пустоту
сердце под свой же смех –
стучит, стучит, сту_____

БЕССОННИЦА

Как будто бы не голова – свинец,
а кусок свинца – в голову... Лишь бы
в один аккорд вложить Фа-диез-
мажор с басом Ми, чтобы выше

не вышло вдруг. Тут же скорей отнять
сознание, чтобы вопрос «куда ты?»
звучал как «где ты?», когда меня
уже бы и не было. Но в результате

деления всех этих «против» на «за»
всегда – единица! Так легко и
спятить однажды... А стрелка в часах
идёт, идёт и... не уходит.

ДО УТРА

И будет трамвай – от площади –
на мост. И будет – будет ли? –
луч солнечный – солнечным росчерком –
по чёрному небу – утром. И

швырнёт снежной пылью – улица –
в лицо. Из трамвая выбросит
тебя, и тебе нужно будет встать
с колен, не жалея ни сил,

ни средств. И – пока без голоса –
колышется сердце под спицами –
так связанное, что полость в нём
оставь до утра – нагноится.

СВЕТЛАНА ШУМИЛО (АВЛАСОВИЧ)

Родилась в 1981 г. в Таре. Работает преподавателем в Черниговском национальном педагогическом университете им. Т.Г. Шевченко. Публиковалась в коллективных поэтических сборниках и периодических изданиях.

* * *

Кому сказать, что я, любя одно,
Живу в другом и делаю другое,
Что это испытание такое,
Что это благо и что смысл в том,

Чтоб жить и здесь, как там, день ото дня
Себя – винить, других – любить, и всё же
Шепнёшь себе порою: кто поможет?
Кто выслушает? Кто поймёт?

Кому сказать?

И я не изменяю ли себе,
Когда смиряюсь и сдаюсь без боя?
Ведь быть юродивым или изгоем
Намного проще, чем внимать судьбе.

Намного проще, чем пройти свой путь,
Всех выслушать, чужое горе выznать,
Чтобы в последние минуты жизни
Вдруг улыбнуться и легко уснуть.

Тогда не захочу я никому
Сказать, что я любила, что забыла,
Как нелегко, как больно это было
И я осталась верной почему.

И вдруг окажется тогда, что я
Всегда, всю жизнь жила – где было

нужно,

Работала ль, спала ль, звала ль на ужин
И думала о том, что есть семья...

Да! Думая о том, что есть семья, –
Ещё о Том, Кто слышит нас на небе.
И вдруг окажется, что эта быль – моя,
А всё, о чём мечталось, – это небыль.

ЖЕТОНЧИК

Я таскаю в кармане жетончик
Из питерского метро.

Я скучаю по Питеру очень,
А это уже старо –
Тискать в ладони жетончик
От чужого метро.

И запах рельсов вначале,
И Витебский старый вокзал.

Меня там всегда встречали,
Колёса всегда стучали,
И кто-то как-то сказал:

«Вы уж почти что наша!»

И я повторила: «Почти».

Граница с Россией всё дальше,
Воздвигнутая из фальши,
Идти до неё и идти.

Затёртый жетончик в кармане,

Карманная карта в столе,

Как в старом грустном романе.

И – война на экране,

И – весна на земле.

* * *

Что делать нам с простым желаньем жить?

С весной, пришедшей долгожданно-рано?

Какому министерству доложить,

Что мы не те, не люди у экрана?

Что наша романтическая мечта

Проста, как хлеб, как молоко в стакане,

Что слишком рано, если красота

Едва проснулась, – слишком рано ранить

И убивать. Едва ведь на порог,

Едва хватило мига оглянуться,

Увидеть свежую траву у ног,

Хотеть ступить – и не посметь коснуться.

Кому кричать, что мир совсем иной,

Что в нём так много книг, улыбок, силы,

Что никакую мёртвой тишиной

Не заглушить его, не скрыть в могилу?

Но сколько ни кричи, а мир живёт

Совсем не той мечтой, не тем

стремленьем.

Он нас сомнёт, потом перешагнёт –

И нас затмит своею грозной тенью.

ДОМ ПОД ЛИПОЙ

Дом, у окошек которого сладкая липа
Тает и плавится в солнечном мареве дней.
Дети играют у дома: то хохот, то всхлипы,
Горе короче, а радость длинней и длинней.
Как всё забудем, когда мы так долго

играли?

Как повзрослеть, если счастья забыть
не смогли?

Мы слишком много любили и мало
страдали

В нежных объятиях ласковой нашей земли.
Мы повзрослели. Дома и деревья всё те же,
Только сегодня в домах поселилась беда.

Все, кроме липы, уже позабыли о прежнем,
Кажется, будто бы так оно было всегда.
Были всегда эти странные, страшные

сводки,

Сколько убито и чьи это были сыны.
Бывшие дети с чрезмерно усталой походкой
В поисках мира бредут по дорогам войны.
Как всё забыть?

Слишком много для этого знаем.

Мы бы другому простили, себе – не смогли.
Любим мы мало, но много, но много
страдаем,

Глядя в глаза безответной, несчастной
земли.

Чтобы дожить до конца и не переломиться,
Нужно и много страдать, и бескрайне
любить.

В дом, что под липою вечной, суметь
возвратиться,

В этой ли жизни... а если... то в той,
может быть.

* * *

Сильней наркотической зависимости –
привычка жить,
Строить планы, ждать, оставаться на связи
с милым.

Мириться ли, ссориться ли, любить,
дружить,

Беречь себе нервы и деньги, эмоции, время,
силы.

Жить, как будто бы смерти за жизнью нет,
Жить, как будто бы жизни за смертью –
тоже.

И огорчаться от тысячи мелких бед,
И привыкать, что большой беды в принципе
быть не может.

Но когда подступает большая-большая беда,
Мы вдруг понимаем, что жизнь – это нечто
иное,

Что мы разучились жить: расплылись,
рассеялись на покое

И размечтались о том, что не сбудется
никогда.

Мы не надеялись, не просили –
мы требовали себе,

Чтобы у нас была уверенность в нашем
завтра,

Мы из обиды, из гордости, из азарта
Делали что-то наперекор судьбе.

И что же теперь, если нужно не спорить,
а просто принять,

Просто смириться с тем, что Беда –
настала?

И оказалось, что так ничтожно мало
Мы знаем о жизни, чтобы живыми стать.

МОЛИТВА

Я опять, как вчера, под иконой о чём-то
прошу,

Но боюсь прошептать и простую,
и страшную просьбу.

Непрестанной молитвой полгода
на сердце ношу,

Но не выговорю, будто слову противится
воздух.

За окном расцветает апрель, и небес
синева

Не похожа на то, что полгода сорваться
боится.

Знаю все до единого нужные просьбе
слова,

Но, однажды сказав, я поверю, что это
случится.

И в глазах проходящих – и проходящих
людей,
Несмотря на погодные и обиходные
темы,
Я читаю всё те же слова и всё тот же
задел
Для молитвы, которую прячут надёжные
стены.
Это время... Как много оно изменило
вокруг,
Как безвременно дети взрослеют и старятся
люди...
Ты всё слышишь. Без слов и без слёз,
без заломленных рук.
Да не будет того, что в молитве. Не будет.
Не будет!

ВИШНИ ПОСПЕЛИ

Вишни спелые. Ах, вишни, зачем вы
спелые?
Располовинили лето, его ведь всегда
Еле хватает на радостных две-три недели,
Пару прогулок и пару доверчивых «да».
Можно сидеть на веранде: цикады,
зарницы,
Много мороженого и немного вина!
Можно. А не было.
Можно ещё снарядиться
На шашлыки – и в поход, и до самого сна!
Можно купить бадминтон и играть,
будто дети,
Можно на речку ходить – тут ведь недалеко!
Можно. А не было.
Вишни взгрустнули о лете –
И отошли. И оно отошло. Рубикон
Наших годичных иллюзий. И всё бы
не страшно,
Если б не в жизни вот так, что мы много
могли,
А спохватились, когда это всё
во вчерашнем.
Вишни цвели, созревали и вдруг отошли.

* * *
Жить для других и о себе забыть.
Вставать чуть свет и вовремя ложиться,
И быть уверенною, и не суетиться.
И так размеренно и мудро жить.
Не ждать от жизни ничего, что ждётся.
Не рваться между чувством и умом.
И не надеяться, что кто-то разберётся,
Поймёт, поможет и согреет дом.
Не жаждать, не мечтать. Поставить цель –
И к ней идти, спокойно и упрямо,
Как в песне. И не верить в канитель
Ни снов, ни сказок... Быть серьёзной мамой
И вырастить серьёзное дитя.
И оправдать сложившееся мнение,
Что ты живёшь высоким вдохновеньем
И все сомнения крушишь шутя.

И никому не говорить, что ты
Так далека от этой высоты.

ЦВЕТ АБРИКОСА

Цвет абрикоса, розовая страна.
Ожидания года в два дня опадут весной –
А потом сразу осень. И вновь-таки
не до сна,
Но не так, как раньше, а просто –
лежать одной.
Чтобы никто не услышал, как ты молчишь,
Не заметил, как низко то, что взмывало
ввысь.
Так за царским ковром притаилась немая
мышь,
Но Гамлет пронзит её шпагою, как ни таись.
Цвет абрикоса, розовая гроза,
Синь, высасывающая не только глаза,
но дух.
Тихо-тихо крадётся за молодостью, за
Жизнью маленький, чёрный и злой пастух.
Может, просто я что-то не то приняла
за жизнь?
Не на ту монету готовилась разменять

Богом данный талант?.. Но спеши, спеши
Наслаждаться, не то – снова придётся
ждать.

Цвет абрикоса. А он ведь едва-едва.
Или так кажется? Или давно – уже?
Цвет абрикоса. И трогательные слова.
И так тяжело... И так легко на душе.

Я ЛЮБЛЮ...

Я люблю твой маленький мирок.
Он – не я, он в завтра смотрит смело,
В нём всё проще, в нём за словом – дело,
Ничего за текстом и меж строк.
Он большой – твой маленький мирок.
В нём живое всё, что только есть:
Шарики, игрушки, песни, книжки.
В нём один король – смешной мальчишка,
Он решает всё сейчас и здесь.
Главное – твой мир и правда есть.
Все твои мечты реальней нас,
Все фантазии – живее жизни.
Все улыбки, все твои капризы,
Тайны маленьких лукавых глаз –
Всё намного лучше, чем у нас.
И влети однажды Питер Пен,
Распахни твои ночные шторы –
Не нужны бы были уговоры –
Ты бы вылетел из этих стен,
Ты и сам почти что Питер Пен.
Потому-то ночью прихожу
В комнату, где ты сопишь в кровати.
И сажусь к тебе – смотрю украдкой,
И грущу, и долго так сижу.
– Мама, что? – но я не расскажу.

ПИСАТЬ СТИХИ

Писать стихи? – разбить всё существо
О пустоту, о белый лист бумаги?
На остриё отточенной шпаги
Низать живую плоть поющих слов?
Нанизывать, прокалывать, ломать
И слово каждое расшевелить до сути,
Рассечь – не лекарю, а палачу под стать, –

Извлечь, как из утробы, как из мути,
То чуть заметное, чуть слышное, зато
На четверть тона выше, чище слова –
И нота в ноту, свеже, точно, ново,
Но всё-таки мучительно не то.
Не то, что долго не давало спать,
Мешало выдохнуть и жить несложно,
Не то, о чём нельзя не написать,
Но и писать, как видишь, невозможно.

А чтобы то – так должен быть готов
Не слово подставлять под поиск шпаги:
Её находка ляжет на бумаге
И будет сердцем, данным вместо слов.

* * *

Снова прощаемся. Что за судьба –
прощаться?
Что за судьба: полгода вместе, полгода –
врозь?
Ты обещаешь вернуться и никогда –
остаться.
Видеться, грезиться и – чтобы
не спалось.

Чтобы всегда – по-свежему, чтобы
всегда – с надрывом.
Не обывательски-скудно: дом, ребёнок,
уют...
Только куда – после наших влюблённых
порывов,
После того, как долго гремел салют,

После подсчётов, сколько часов
осталось,
Как на ходу собирались и на лету
К поезду обнимались и целовались,
Только куда после этого – пустоту?

Более неподъёмной вещи я не встречала,
Чем эта гложущая, сосущая пустота.
Холод вокзала. Холод людного зала –
Я не пошла домой, хоть и замерзала.
Дом уже был не тот. И вся жизнь – не та.

Ну а когда вернулась... Что за судьба –
возвращаться

В дом, где ни слова, ни звука, ни тени
вдруг?!
В следующий раз, если снова будем
прощаться,
Просто не дам разорвать наших губ
и рук!

Просто сольюсь! Перестану отдельно
мыслить!
Стану ребром обратно! – и никуда!..

Что за судьба – полжизни с тобой,
Без тебя – полжизни?!
Что за беда?..

* * *

Трудно ли убить человека? –
Не нужно оружия.
Голосом тихим, слегка натужным, –
Фразу одну. И человек – калека.
Он будет с утра, как всегда, ходить
на работу

И ждать субботы.
Он будет в теле.
Слегка не в духе.
Говорить будет о деле,
Даже если страдает бездельем,
Спокоен в любви и в разлуке –
И вообще будет очень спокоен.
Никто и не догадается,
Что тело пусто внутри – не живёт, а мается.
Что погиб художник, поэт и воин,
Любящий и любимый,
Смешной, капризный и неповторимый,
А с ним отошли в никуда полвека.
Трудно ли убить человека?..

ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ

Формула счастья проста?

Проста, как родить и растить,
Проста, как любить и простить,
Проста, как иметь и отдать,
Проста, как невинно страдать:

Не знать за собой ничего,
Кроме любви и тоски,
И, всё возложив на Него,
Как два крыла, две руки
На две – крест-накрест – доски
Раскрыть – и счастливым стать.

Формула счастья проста,
Как форма Креста.

* * *

Мой милый друг, храним своё тепло
От жадных глаз и глупых пересудов.
Пусть лето отшумело и прошло,
Но счастье нам не суждено, покуда
Мы не научимся хранить своё тепло.

Научимся дрожать над ним, как дети,
Бояться дверь случайно распахнуть
И в дом впустить беспутный страстный
ветер.

А надо нам с тобой, хотя б чуть-чуть,
Смотреть на этот мир, как смотрят дети.

Так будем же стараться каждый шаг
Соизмерять с возможною утратой,
Благословлять восходы и закаты,
Бояться слово обронить не в такт,
И вырывать из будней день крылатый,
Чтобы потом, на старости, когда-то
Спокойны были мы за каждый шаг.

МОЛЧАНИЕ

Сколько бы ни было сказано самых
отчаянных слов,
Как бы горько ни жаловаться
на неизбежность потери,
Но если я говорю, значит, я ещё верю
В то, что где-то за горизонтом неизменно
живёт любовь.

Сколько бы ни было сказано самых
отчаянных слов,
Но страшнее всего отчаянье будет в своём
молчанье.

Встаёшь под икону – и ни полмысли.
И гол, и вдов
сердца комок.
А слова – пустое бренчанье,
Простое и лёгкое, а потому – нет
счастливей его,
Нет нужнее его и нет полновесней и
строже.
И что разговор ни о чём всего на свете
дороже,
Вдруг понимаешь, когда ты не в силах
сказать ничего.

СЛЁЗЫ

Я хочу, как ребенок, слёз,
Я не знала: в слезах – гроза.
Чтобы что-то хоть раз – всерьёз,
То хотя бы одна слеза
Самых нужных молитв нужней,
Самых нежных нежней стихов.
До неё бы, её, а в ней
Раствориться весь мир готов.
Слёз без мыслей и слёз без слов.
Это просто и так легко,
Что до них, как до облаков,
Легче лёгкого –
Далеко.

ЕЛЕНА АТЮРЬЕВСКАЯ

Родилась в 1989 г. в Таре. Член Союза писателей Карелии. Автор сборников стихов «Любовь», песен для детей «Открывая звёздочки...», фортепианных пьес и произведений для хора «Святое души», книги сказок «Замок вечности».

* * *

Петербурга влюблённые улицы,
Серебристый асфальт от дождей,
Жизнь, как плёнка в проекторе, крутится –
Там родные и лица друзей...
В этом мире проблем и усталости,
Сотрясающих стрессами дней
Нам хватало от жизни лишь малости,
Вместе мы становились сильней!
От картин пахнет масляной краской,
Там стихи и созвучия нот,
Наши дети окутаны лаской,
Время манит и манит вперёд!
Сколько в нас откровений и радости,
Сколько чувств и неистовых сил!
Помнишь город в волшебной туманности,
Где меня ты навек полюбил?

Ты увидишь меня в белой яблоне
И в глубоких озёрных глазах,
Ты увидишь меня в яркой радуге
На лазоревых небесах!
Ты увидишь меня в берёзке,
И в задумчивых детских мечтах,
И в подснежниках нежных и чутких,
И в свершившихся добрых делах!
Я создам тебе жизнь из весеннего тёплого
света,
Я создам тебе жизнь из любви и потом
подарю;
Где я силы беру, никому не признаюсь
об этом,
Чтоб создать тебе жизнь, отдаю я с любовью
свою...

КОНСТАНТИН ТИГОВ

Родился в 1950 г. в с. Павлополь Новоазовского района Донецкой области. Работал учителем, журналистом, заведующим отделом культуры. Стихи и проза публиковались в периодических изданиях Омска, Ноябрьска, Новосибирска и других городов. Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

ПОТОМОК ГЕРОСТРАТА

Я – мастер по сжиганию мостов,
Большой специалист,
Похлеще Герострата!
Вот и сейчас, подумаешь, утрата,
Всё за собой испепелить готов!

Звенит монета, в воздухе вертятся,
Подкинута лёгкою рукою.
Ну, ладно, с Богом, в путь благословясь!
Ни ей, ни мне – ни крышки, ни покоя!

Идёт посадка: поезд «Омск – Сургут»
И там не ждут меня, я это точно знаю.
Найду ли я? Скорее потеряю,
Здесь не заплачут, там не позовут,

И впереди не лучше, может быть,
«Что там? Что там?» – то явственно,
то сонно, –
«Что там? Что там? – но решено бетонно!
И силы нет меня остановить!

Качает пьяно прицепной вагон:
«Что там? Что там?» – назойливо и сочно.
И еду я безвестно и бессрочно,
Уже не отличая явь и сон...

Звенит монета, в воздухе вертятся,
Подкинута беспечною рукою,
Ни ей, ни мне – ни крышки, ни покоя!...
Ах, если бы упала на «орла»,
Судьбу бы изменил!
Такие вот дела!

ПАВЕЛ БИКЕТОВ

Родился в 1992 г. в Таре. Студент 3-го курса ТФ БОУ ОО «Медицинский колледж». Лауреат районного литературного конкурса «Проба пера».

* * *

Кто-то в костюме деловит и строг,
Кто-то под свитером греется в стужу.
Есть наряды, что приводят в восторг,
Есть – что в ужас.

Есть для праздника, есть и для горя,
Есть непристойные, и в них эпатаж.
Что надеть? О вкусах не спорят.
Выбор ваш.

Кому-то нужен лишь высший сорт,
А кто-то ещё не может решить,
Но, выбрав белый халат,
Ты выбрал не просто дресс-код.
Считай, что ты выбрал жизнь.

НАТАЛЬЯ ЛАВРЕНЦ

Родилась в 1996 г. в Таре. Студентка Тарского филиала Омского государственного педагогического университета. В 2015 г. выпустила первый сборник стихов «Буду лечить свою душу...».

* * *

Берёзка давно распрощалась
С опавшей осенней листвой,
С печалью под ветром качала
Уставшей своей головой.

И в луже она отражалась –
Короткого лета портрет,
Но лето так быстро промчалось,
И счастья как будто бы нет.

А люди все мимо ходили,
Не видя берёзкиных слёз,

Как будто чужие, бродили,
А веток коснулся мороз.

Зима улыбнулась жестоко
Ехидной улыбкой своей.
Ах, как же сейчас одиноко
Берёзке печальной моей.

* * *

Мне очень печально слушать,
Что чувства вдруг стали редкими.
Я буду лечить свою душу
Объятьями самыми крепкими!

* * *

О, как я хочу побороть это горе.
Себе говорю: «Я смогу, я стерплю».
Я очень хочу, чтобы были со мною
Те люди, которых я очень люблю.

Хочу вам сказать я без капли сомненья,
Что выстою смело любые бои.
Я знаю, что есть в этом мире спасенье
И место в нём есть для добра и любви!

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество пахнет дождём,
Чёрным кофе и зимними стужами...
Ведь когда-то мы были вдвоём,
А теперь стали чуждыми.

Одеялом укроюсь от бед,
От тоски, от тебя и от холода...
Я вчера приготовил обед,
Хоть не чувствовал голода.

И спасибо тебе, грусть,
За любовь, за печаль, за отчаянье...
Ты ушла, обещав: «Я вернусь»,
Не обняв на прощание...

НАДЕЖДА ПАНФАМИРОВА

Родилась в 1976 г. в Усть-Ишимском районе Омской области. Выпускница филологического факультета Филиала ОмГПУ в г. Таре. Работает учителем. Стихи публиковались в коллективных сборниках «Огоньки» (с. Усть-Ишим, 2012), «Дебют» (Москва: Стихи.ру, 2014), «Лирика» (Москва: Стихи.ру, 2014), в газете «Усть-Ишимский вестник», в журнале «Литературный ковчег» (Омск). Автор сборника стихотворений «Зов предков» (Омск, 2015). Живёт в с. Усть-Ишим.

МЕТАМОРФОЗЫ В ПРУДУ

Где в пруду ещё вчера
В травке нежилась икра,
Там сейчас резвятся рыбки.
У детей моих улыбки:
Живчики-глазастики
Рыбки-головастики.

У ребят сплошные охи:
Подросли в пруду «рыбёхи»,
Плавают, резвятся,
Наших рук боятся.
Может, врут нам всё глаза?
Это что за чудеса:

У такой смешной рыбёшки
Вырастают чудо-ножки.
Почему, и в чём секрет –
Ножки есть, а ручек нет?!
К вечеру опять загадки:
У «рыбёх» – четыре лапки!

Может, фауны ошибки?
Чудо-юдо, а не рыбки!
То ли ящерки какие
Земно-водно-водяные,
То ль из дальнего из Нила
Занесло к нам крокодила?!

Наблюдают и стрекозы
У пруда метаморфозы.
А рыбёшки нас опять
Не устанут удивлять:

Вылезли на край листа –
Оказались без хвоста.

Огляделись нагло вато...
Это ж, братцы, лягушата!
Мошек ловят очень метко
Мамы Квакши чудо-детки.
Будет дружно до утра
Ква-ква-квакать детвора!

ЛЕТО, ПОГОСТИ!

– Лето, лето! Погости,
Нас малиной угости.
Мы тебя так долго ждали...
Погоди, не уходи!
Где ты, август вкусный?

– В листике капустном,
И в соленьях, и в грибочках
Ловко спрятан в погребках!
В спелых крупах-зёрнышках,
В помидорках-солнышках,
В золотистом мёде,
В яблочном компоте!

Мы зовём его: «Ау!»
Только нет ответа:
Паутинкою цветной
Промелькнуло лето.

ОСЕНЬ

Дни грибные пролетели,
Тучи в небе морщатся,
Отзвенели птичьи трели
В поредевшей рощице.

И стремительной походкой,
Без поклажи, налегке
Осень с кисточкой походной
Носит краски в рюкзаке.
Мы у Осени спросили:
– Для чего ты в сентябре,
Попрошавшись с тёплым летом,
Прячешь солнышки в листве?

– Краски яркие дарю я
Напоследок всей земле,
Чтобы долгою зимою
Вспоминали обо мне,

Медвежатам и ежатам
Чтоб цветные снились сны,
Чтобы было веселее
Малым птахам ждать весны!

РАССКАЗ В СТИХАХ «СНЕЖНАЯ БАБА»

1

Мы не ели, мы не пили –
Бабу снежную лепили:
Нос – морковь, глаза – маслинки,
Губки из сухой рябинки.

Лыко – толстая коса
С пышной чёлкой на глаза,
Нитка бусин – луковки,
Из орешков пугови.

Веер, словно у модели,
По фэн-шую, на восток.
Юбку яркую надели
И прабабушкин платок.

Понедобней сели птицы,
Наблюдают из ветвей
Три сороки, две синицы
И малютка воробей.

Обсудить торопятся
Все наряды модницы:
Стала просто лапушкой
Снеговая бабушка!

К ней приставили корзину,
Где остатки от рябины,
И, довольные, гурьбой
Отдохнуть бежим домой.

2

Просушили рукавицы,
Дружно вышли из дверей.
Нам навстречу – две синицы,
С толстым пузом воробей.

По сигналу о тревоге
Ввысь взметнулись три сороки.
Вот не ждали мы гостей:
Нет рябиновых кистей,

Нет ни носа, нет и бус, –
Видно, сладкие на вкус!
Ну, а для кислинки
Впору и маслинки!

Заменяли шишкой нос,
Уголь в глазки вставили
И остатки от волос
Под платок заправили.

Мы навесили бабусе
От гирлянды старой бусы.
Мало модницей слыла –
Слишком вкусная была!

НАТАЛЬЯ КУСКОВА

Родилась в 1960 г. в Таре. Работает медсестрой наркологического кабинета Тарской районной больницы. Член Союза писателей России. Руководитель Тарского отделения Союза писателей России. Автор книг «Весеннее тепло» (Тара, 1997), «Изморозь» (Тара, 2002), раскраски для детей «Привет, одуванчик!» (Тара, 2006), «Мамина песня» (Тара, 2010), «Наполню себя тишиной» (Омск, 2010), «Сказка о Солнечных Зайчиках» (Омск, 2015). Печаталась в коллективных сборниках, журналах, антологиях и периодической печати Тары, Омска, Москвы. Лауреат ряда региональных и всероссийских литературных конкурсов, премии им. Владимира Шевелёва за общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района (2009), премии имени Ф. Ушакова (2012).

СКАЗКА О НАШЕМ ГОРОДЕ

В одном очень далёком царстве-королевстве, очень надёжно скрытом от посторонних глаз дремучими лесами и непроходимыми болотами, родилась и росла озорная принцесса по имени Тара. В большой семье её очень любили, баловали, и она росла свободлюбивой и любознательной. Дружила со всеми обитателями дома, да ещё со зверями, птицами, бабочками и цветами-травками. Надо сказать, в королевстве этом все любили порядок. Ни пылинки, ни соринки не было в жилищах его обитателей, в шкафах всё было сложено по струночке, и даже в тайге вокруг все деревья стояли прямо, как свечи. Травы и цветы ровными коврами укрывали землю. На болотах крупные красные ягоды клюквы украшали мягкие причёсанные кочки. А раз вокруг всё в порядке и красота радует глаз, то и нрав у жителей был лёгкий, добрый, приветливый. Грязь, Беспорядок и Уныние давно покинули эти места, сбежали в царство злого колдуна по имени Хаос, ютились под чёрными корягами и копили злобу, вынашивая планы мести и захвата королевства.

Вместе со своей любимой подружкой Аркаркой Тара часто убегала за пределы отцовского двора, и под кроной огромного мудрого кедра девочки любили мечтать о будущем. Однажды, когда хороший день клонился к вечеру, подружки, вдоволь набегавшись, нашалившись, наигравшись, уселись отдохнуть под любимым кедром. Вдруг сверху упала смолистая кедровая шишка, гулко стукнулась о землю и откатилась в сторону. Потом вторая, третья... Шишки делали некрасивые, рваные дыры в пёстром ковре разнотравья. Головки ромашек, гвоздик, колокольчиков печально повисли на перебитых стебельках. Тара и Аркарка были очень добрыми и аккуратными девочками, им было жаль и погибшие цветы, и порушенную красоту, на глаза навернулись слёзы.

Вдруг сверху прямо по стволу кедра к ним рыжей молнией скользнул незнакомый зверёк. Узкое длинное тело украшала яркая шубка – рыжая с желтовато-белой ото-

рочкой по грудке и животу. На грациозной длинной шейке маленькая изящная головка, круглые ушки и бусины чёрных глаз выражали враждебность и угрозу. Высунув чёрный язычок, зверёк громко стрекотал, и пушистый хвостик с чёрной отметкой на конце нервно подрагивал. Это был Горноста́й, и он был совсем юный и глупый. Детство его прошло в глухом краю, где правил злой волшебник Хаос, и он просто не знал иных правил жизни, чем пугать и побеждать. Но Тара с венком из оранжевых цветов на головке, в зелёном платье и Аркарка в нежно-голубом, такие чистенькие и милые, ему очень понравились. Втроём они быстро исправили беспорядок, устроенный Горностаем, и оказалось, что и чистота, и добрые отношения жителей этого королевства ему очень даже нравятся. Так девочки и зверёк подружились, стали часто встречаться, ухаживать за цветами и просто вместе играть. Шло время. И вот прознал страшный злой волшебник Хаос об их крепкой дружбе, сначала рассердился и хотел наказать Горностаю, превратив в обломанный сучок или грязную лужу. Но Грязь, Беспорядок и Уныние, его верные советники, нашептали ему другой план. Ведь им так хотелось отомстить жителям королевства, и, конечно, каждый из них мечтал пробраться туда, поселиться в королевстве и даже стать его правителем. Решили они воспользоваться дружбой Горностаю с Тарой, заманить её подальше в тайгу и похитить юную принцессу, любимицу всего королевства. Вот уж тогда Уныние беспрепятственно сможет вернуться и подготовить встречу своим друзьям – Грязи и Беспорядку.

Горноста́й, конечно, ничего не знал о коварных планах злого волшебника и его советников. В назначенный день советник Уныние, как всегда, облачился в грязно-зелёный плащ, надвинул на свой печальный нос шляпу, похожую на корзину с мусором, и отправился к нашему Горностаю. В его рассказ о том, что он раскаялся и хочет вернуться в весёлое королевство, юный зверёк поверил и обещал помочь устроить ему встречу с доброй принцессой Тарой.

День был ярким, солнечным. Весело смеясь и перекрикиваясь, озорная Тара с верной подружкой Аркаркой снова устроили догонялки-прятки с Горностаем, бабочками и стрекозами. Им было очень весело бегать по ровным травным лугам, прятаться за медовыми стволами кедров и сосен. Деревце за деревом, полянка за полянкой, так незаметно Горностай и привёл их в незнакомое место. Чёрные коряги вывернули свои шершавые щупальца – корни. Кроны деревьев с причудливо изогнутыми стволами сомкнулись, закрывая голубое небо, отчего всё вокруг стало сумрачным, зловещим, пугающим. Девочки поняли, что заблудились, но не успели даже вскрикнуть, как из-за коряг выскочили слуги Хаоса и схватили принцессу Тару с её подружкой Аркаркой. Схватили, скрутили паутинами и утащили в темницу-подземелье под старую огромную корягу. Понял Горностай, что он наделал. Проплакал вечер, прогоревал ночь, а к утру пришло решение. Сорвал с себя чары Уныния, убежал к мудрому кедру, и вместе с ним они придумали план, как вызволить девочек.

В королевстве тем временем царил тревога. Когда Тара с подругой не вернулись к вечеру домой, все заволновались. Но все знали: беды быть не должно, везде был порядок, и каждая букашка любила принцессу, тем более с ней была такая рассудительная и спокойная девочка Аркарка. Одним словом, Унынию пока в королевстве делать было нечего, но Горностаю всё же следовало поторопиться. Наш зверёк теперь точно знал, что делать. Он мчался обратно в царство Хаоса. Он летел, как узкая сверкающая рыжая молния. Темницу в это время сторожил целый отряд поганок. Они на хлипких ножках, одна к одной сдвинув хилые бледно-зелёные шляпки, плотно окружили корягу, под которой был вход в темницу. Десяток мохнатых пауков доплетали решётку – сетку, мимо которой даже мухе пролететь не под силу. Горностай храбро бросился в бой. Он крепкими когтями разбросал армию поганок, острыми зубами разорвал паутину и освободил плен-

ниц. Но разбежавшиеся пауки успели сообщить злому волшебнику о происходящем. О, как же Хаос рассердился! И он в гневе прибежал к главному своему оружию – колдовству. «Ты, принцесса Тара, никогда не вернёшься в отчий дом, ты станешь городом! А ты, Аркарка, раз так любишь свою Тару, ты будешь речкой! И быть вам рядом во веки веков, вечно! И ты, хитрый Горностай, отправляйся с ними, но без своей яркой шубы, и смотри на них с высоты герба города. Любишься на дело своих лап!» Сверкнула молния, грянул гром, и колдовство свершилось! Силы его хватает на 500 лет, и можно ещё освободить принцессу, если всем вместе вернуться к порядку, который был в королевстве её отца, где было чисто на улицах, в жилищах и прилегающих лесах. Если всем вместе жить светло и радостно, заботиться о слабых и младших, дружить с животными, деревьями, цветами и птицами.

С тех пор прошло четыре века. Город Тара живёт своею жизнью. Его населили жители, которые давно забыли о маленькой озорной принцессе и её подружке. Речка Аркарка несёт свои воды, обнимая город, и всё меньше у неё сил, и всё чаще плащ Уныния из зелёной тины покрывает её поверхность. Ведь по волшебным правилам, город полностью захватят Грязь, Беспорядок, Уныние и Хаос только через 500 лет. А пока этого не случилось, горностай в белой шубке с герба кричит, пытаясь сообщить жителям о надвигающейся и уже потом неисправимой беде. Но жители забыли сказки и вообще разучились слушать сердцем, и просто не замечают его. Правитель города, конечно, знает великую тайну, но что может в современном мире один человек, даже если и правитель? Каждая брошенная на улице конфетная бумажка отодвигает спасение принцессы. Каждая обёртка от мороженого, выброшенная на дорожку, приближает царство Хаоса. Летящие по ветру, как бабочки, автобусные билетки приветливо машут крыльями Беспорядку. Краина города, придорожные канавы приготовились ласково баюкать ужасную Грязь. И только мы с тобой, теперь тоже посвящён-

ные в эту тайну, всё ещё можем спасти нашу Тару и помочь Аркарке. Давай прямо сейчас начнём. Ты можешь! Только хватит ли у тебя решимости и сил? А с чего начать, подскажет мама.

ОЛЬГА СТАРИНСКАЯ

Родилась в 1960 г. в Таре. Работает в Тарской центральной районной библиотеке. Член Союза писателей России. Стихотворения печатались в периодических изданиях и коллективных сборниках Тары, Омска, Москвы. Лауреат районной премии им. В. А. Шевелёва «За общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района» (2013). Награждена лермонтовской медалью (2014). Автор сборников стихов «Зачем в апреле снегопад?» (Тара, 2004), «Душа распахнута для счастья» (Тара, 2009), «Предзимье» (Тара, 2011).

СКАЗКА О СТАРОМ КРЫЖОВНИКЕ И ЗЕЛЁНОЙ ЖАБЕ

История, о которой я вам хочу сегодня пове­дать, случилась лет двадцать назад в небольшой усадьбе с примыкающим к ней садом, в котором росли деревья и кустарники.

Каждое утро, когда похожее на подсолнух солнце своими лучами касалось земли, из-под старого колючего куста крыжовника на садовую дорожку выползала пучеглазая зелёная жаба. Она была такая же старая, как и куст, под которым жила, и пользовалась каждым солнечным днём, чтобы погреть свои косточки на солнце.

Взрослые обитатели усадьбы давно привыкли к такому соседству и, проходя мимо куста крыжовника, старательно обходили жабу стороной, боясь причинить ей вред.

А с маленькой девочкой, дочкой хозяев, жаба подружилась.

Утром девочка, встав с кровати и даже не успев умыться, бежала в сад к старому кусту крыжовника, чтобы поздороваться с жабой.

– Здравствуй, моя любимая жаба! – кричала она ещё издали.

– Здравствуй и ты, красное солнышко!

Девочка поднимала свои худенькие ручки и махала солнышку в знак приветствия. Затем она срывала травинку и щекотала ею брюшко жабы. Жабе это очень нравилось. Она от удовольствия ещё больше выпучивала глаза и произносила что-то отдалённо напоминающее кваканье.

Мама звала девочку домой, и жаба оставалась в одиночестве. Она нежилась на солнышке, подставляя ласковым лучам то один, то другой бок.

Вечером, когда уставшее за день солнышко клонилось к закату, девочка приходила пожелать жабе доброй ночи. И только после этого жаба забиралась в своё укрытие под крыжовник.

Крыжовник давно уже не плодоносил, а его засохшие колючки доставляли всем страшное неудобство, постоянно цепляясь за тех, кто проходил мимо.

Хозяин грозился убрать куст, но всё как-то откладывал, пока однажды мама девочки, запнувшись, не ободрала колени.

Участь куста была решена.

В тот же вечер, вооружившись лопатой, хозяин выкопал крыжовник, а девочка, осторожно взяв в руки жабу, пересадила её под куст смородины и ушла, пожелав жабе спокойной ночи.

На следующее утро, как обычно, девочка выбежала в сад, чтобы поздороваться с жабой, но жабы на привычном месте не было. Девочка долго искала свою подружку, заглядывая под куст смородины, раздвигая траву газона, но жаба так и не нашлась. Видимо, она ушла искать свой старый куст крыжовника, потому что на свете нет ничего милее родимого дома.

МАРИНА БЕЗДЕЛЕВА

Родилась в 1967 г. в п. Аксёново Усть-Ишимского района Омской области. Работает учителем русского языка, литературы и немецкого языка в школе в п. Кайсы Усть-Ишимского района. Стихи публиковались в периодических изданиях Омской области. Весной 2015 г. в Таре состоялось творческое выступление в рамках круглого стола «Поиски национальной идеи в современной русской литературе».

РУССКИМ БАБУШКАМ

Бодр дух её, хоть плоть недужна.
По разрушенной распутицей дороге
Старушонка с палочкой по лужам
В валенках идёт – больные ноги.

Через всё село шагать до храма
В темень, вьюгу, в зной иль под дождём.
– С Божьей помощью, – твердит упрямо, –
С Ангелом-хранителем дойдём!

У крылечка палочку оставит.
Шутит: «Смирный конь мой, не сбежит».
На подсвечник свечечку поставит –
Огонёк свечи едва дрожит.

И трепещет, как свеча, сердечко:
Страшно как на исповедь идти!
– Боже, не оставь Свою овечку!
Господи, мя грешную прости!

На колени пред иконой станет,
«Господи, помилуй» подпоёт.
О страданиях Христа читая,
Старческой рукой слезу утрёт.

– Завтра не приду, не ждите, – скажет, –
Разлилась вода – не обойдёшь.
Утром смотришь – у дверей на страже:
– Дома сидя, места не найдёшь.

Обо всех молились в лихолетье:
– Господи, помилуй и спаси!
Слава Богу, что живут на свете
Праведные бабушки Руси!

НЕ В БРЁВНАХ БОГ

Ты говоришь: не в брёвнах Бог, а в рёбрах,
Но вот переступила я порог,
И мне в моих густых житейских дебрях
Открылся среди этих брёвен Бог.

Быть может, есть красивей и прочней
Другие брёвна где-нибудь на свете,
Но нет нигде дороже и родней,
Ведь рёбрами выросла я в брёвна эти.

Отрадно видеть мне отцов труды
И больно видеть их детей измену,
Рукою гладить от ножа следы
И целовать поруганные стены.

Я слышу голоса из той поры,
И сердце надывается в печали,
Как яростно стучали топоры –
Не строили уже, а разрушали.

И как святые, чистые слова
Кошунственные заглушали крики,
И образа рубили на дрова,
И в пламени костра пылали лики.

Один обрубок выхватил парнишка
И, чудом избежав недобрых глаз,
Принёс домой, укрывши под пальтишком:
– Я, мама, Боженьку сегодня спас.

Такие же в полях цвели цветы,
В деревьях так же птицы щебетали,
Но спиленные падали кресты,
И матери безумцев проклинали.

И в храм ворвался варварский отряд,
Где так недавно служба проходила,
Со злостью сокрушая всё подряд,
Оглоблями разбив паникадило.

И с тихим звоном капли хрусталя
Слезинками по храму рассыпались,
И содрогалась в ужасе земля,
Когда колокола её касались.

А чтоб не пропадал добротный сруб,
Отвергнутому прошлому на смену

Они устроили из храма клуб,
Из алтаря святого сделал сцену.

А как сиял он золотом икон
И оглашался херувимским пением,
И выходил священник на амвон,
И таинство свершалось причащения.

И снова в нашем храме благодать,
Не стёртая безбожными годами.
Дай, Господи, нам больше не видеть
Того, что эти брёвна повидали.

Им выпало на долю лицезреть
Тяжёлый акт российской смутной драмы,
Где кто-то шёл за Господа на смерть,
А кто-то шёл взрывать Господни храмы.

Шепчу: «Прости нас, Господи, прости,
Что, как Иуда, вновь Тебя мы предали,
И в бездну страшную опять летим,
И что творим, увы, опять не ведаем».

Но верю я, что, осознав свой грех,
Мы всё ж отыщем к Господу дорогу.
Ты прав: не в брёвнах Бог, а в рёбрах тех,
Кто среди этих брёвен служит Богу.

ПРЕД РАСПЯТИЕМ ХРИСТОВЫМ

Когда одолеет тревога и грусть,
Душа изнеможет от битвы,
Я в келии сердца тогда затворюсь,
Затеплю лампаду молитвы.
Я в келии сердца опять затворюсь,
Затеплю лампаду молитвы.

Кругом всё темно, но лампада горит,
Отчаянья тьму прогоняя,
И с Богом неслышно душа говорит,
Священным глаголам внимая.
И с Богом неслышно душа говорит,
Словам благодатным внимая.

Я слёз благодарных не в силах сдержать,
Текут они снова и снова.
И глаз от Креста не могу оторвать,
На муки взирая Христовы.

И глаз от Креста не могу оторвать,
На страсти взирая Христовы.

Ты, в жертву Себя приносящий за нас,
Врагов милосердно прощаешь
И мне, многогрешной, с Распятья сейчас
Объятья Свои раскрываешь.
Ты всем нам с любовью с Распятья сейчас
Объятья Свои раскрываешь.

И всех, кому трудно сейчас на земле,
Зовёшь ты: «Ко Мне приидите,
За вы же ломимое Тело Мое
С пролитой Кровью примите.
За вы же ломимое Тело Мое
С Пречистой Кровью примите».

Смягчается сердце от Божьей любви,
И я со стыдом понимаю,
Как тяжки грехи пред Тобою мои,
И нет ни конца им, ни краю.
Как тяжки грехи пред Тобою мои,
Я ими Тебя распинаю.

Но знаю: страданья терпя, искупить
Мы можем свои прегрешенья.
И я эту чашу могу ли не пить
С надеждой на Божие прощенье?
И я эту чашу могу ли не пить?
И Бога молю о прощенье...

НЕ НАДО ХОРОНИТЬ РОССИЮ

Не надо хоронить Россию,
Ведь за неё на Небесах
Такие молятся святые,
Творя такие чудеса!

Всё ваше превосходство ложно.
Всегда получит враг отпор,
Пока над нею Матерь Божья
Свой простиралет омофор.

Напрасны ваши притязанья
На наши чистые поля.
Не сбьются вашим ожиданьям,
Россия – Божия земля.

Россию отпевать не нужно,
Коль хоть в одном монастыре
Монах последний Богу служит,
Склонясь смиренно в алтаре.

Побед не праздновать вам точно,
Не сдастся русская душа,
Покуда женщины в платочках
Во храмы Божии спешат.

Не смейте хоронить Россию,
Врагу России не видать,
Пока мальчишки боевые
Жизнь за неё хотят отдать.

Не торопитесь панихиды
По нашей Родине служить,
На Русь оставьте ваши виды,
Отчизне нашей вечно жить!

Не надо хоронить Россию,
Русь одолеть никто не смог,
Какой ни обладал бы силой –
Мы русские, и с нами Бог!

* * *

Руки, узнавшие тяжесть оков,
Бритые головы, лица худые...
Архиереи безбожных годов –
Совесть врагом полонённой России.

Сколько пришлось претерпеть вам скорбей
От новоявленных русских тиранов –
Тюрьмы, допросы, наветы людей,
Пытки, как первых веков христианам.

Вас распинали, как их, за Христа,
После жестоких мучений стреляли.
Вы же с молитвой святой на устах
Кротко убийц своих благословляли.

Если не казнь – тяжкий труд в лагерях,
Холод, болезни и голод ужасный,
Ссылки на гибель в суровых краях
И разлучение с милою паствой.
Как о возлюбленных сердце болит!
Вместо того чтоб поспать хоть немного,

Молится старенький митрополит,
Служит на нарах по памяти Богу.

Смех палачей благодушно снося –
Занят трудом, что слывет самым низким, –
Господу славу за всё вознося,
Чистит отхожее место епископ.

Еле живой возвратившийся в лагерь
После работы до изнеможенья,
Письма строчит на обрывках бумаги –
Чадам из лагеря шлёт утешенье.

Только у Бога уж дни сочтены.
Вы претерпели достойно мученья
И, за собой не имея вины,
Смерть предпочли от Христа отреченью.

Пламя лампадок и запах цветов,
Мощи честные и лики святые...
Архиереи безбожных годов –
Слава и свет православной России!

РАДУЙСЯ

Радуйся, прошу тебя я, радуйся:
Дождь прошёл, гроза умчалась с тучами,
И над нами в небесах сияет радуга,
И играет серебром река под кручею.

Слышишь – тёплый ветер шепчет: радуйся!
Воздух светом напоен и свежестью,
И дышать им до чего же сладостно,
И переполняет сердце нежностью.

Радостно щебечут птицы: радуйся!
И цветы в ответ им улыбаются,
Вся земля чудесный праздник празднует,
С небесами днесь соединяясь.

Радуйся и в час, когда страданьями
Душу заметут метели белые –
Значит, Бог послал нам испытание,
Чтоб сильнее мы с тобою сделались.

Пусть теперь зима всю старается,
Отовсюду дышит злом и хладостью,

Пусть устал ты бесконечно маяться
И терпеть невмочь, но всё же – радуйся!

Твёрдо верь: утихнут бури грозные,
Унесут с собой печали разные,
И Господь опять осушит слёзы нам.
Ты благодари Его и радуйся!

Диана Кан

Родилась в 1964 г. в г. Термез Туркестанского военного округа. Член Союза писателей России. Автор восьми книг стихов. Публиковалась в антологиях современной поэзии, в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия» и др. Лауреат всероссийских премий «Традиция», «Имперская культура», премии им. Святого благоверного князя Александра Невского, Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка» и др. Живёт в Новокуйбышевске Самарской области. Участник I региональных литературных чтений им. Л. Н. Чашечникова (Тара, 2013).

* * *

Кто мы? Что мы? С кем мы? Где мы?
Как нам жить и быть теперь?..
Белокурый юный демон
Кофе мне принёс в постель.

Всё случившееся – в силе.
Всё у нас не как у всех:
Всю-то ночь проговорили
О стихах – и смех, и грех!

Нда, неладно что-то с нами...
Впрочем, может, хорошо:
Так мы увлеклись стихами,
До греха и не дошло!

Я, наверное, жестока.
Но не более, чем он.
Я люблю Сапфо и Блока,
Он – в Есенина влюблён.
Среди классиков не тесно
Нам – совсем наоборот!
Разобраться бы с небесным,
А земное подождёт!

* * *

Улица сутулится под ветром.
Горбится под ливнем старый мост...
Ну, а я бегу, считая метры
До того, что невзначай сбылось.

Зонт мой нераскрывшийся, что дальше?
Я не пожалею ни о чём,
Вымокнув под самым настоящим,
Самым майским проливным дождём.

Друг, меня предавший, ну и как ты?
Не печалься, что продешевил!
Нынче у меня достанет такта
Сделать вид, что ты меня простил!

Рыжий, словно око светофора,
Кот, глядящий ночью в лица звёзд,
Привязался, чтоб отстать нескоро –
Прихвостень, бродяга и прохвост!

... На сыром ветру роняя блёстки
Всем случайным-неслучайным вслед,
Ты дождись меня на перекрёстке,
Долгожданный мой зелёный свет!

* * *

Ныне и присно уже не приснится
(Разве во веки веков!)
Волга – усталая синяя птица,
Дочь голубых родников.

Ты ль не поила шальных атаманов?
Ты ль не топила княжон?
Не над тобой ли, от удали пьяной,
Царский штандарт водружён?

Так отчего же ты больше не вхожа
В странные песни мои?..
Азия, чёрная птица, итожит
Душу-добычу в крови.

... С чувством меня научившие, с толком
И с расстановкою петь,
Средняя Азия, Средняя Волга,
Встретимся ль, милые, впредь?

Да и какие вы средние, право,
Ежели не належке
Насмерть форпостами русской державы
Встали в судьбе и строке?

И – рассчитались со мною сторицей...
Что ж, запевай «Бисмилля!»,
Окровавлённая хищная птица –
Азия, песня моя!

* * *

Причёска «Полюби меня, Гагарин!»,
Поплиновые платяца в горох...
Неужто свыше этот день подарен,
Чтобы никто отнять его не смог?

Никто-ничто! Ни будущие слёзы
Предательски терзаемой страны,
Ни мужние похмельные угрозы,
Ни призраки космической войны.

Ни дети, ни морщины, ни седины,
Ни алименты – чёрт бы их побрал! –
Отнять не властны этот день единый,
Который – был! И самым звёздным стал!

Когда, лучась улыбчивостью кроткой,
От знойных взглядов заслонясь рукой,
Они слетались к оренбургской «лётке»,
Благоухая «Красною Москвой».

Слетались, словно птички-невелички.
О чём-то щебетали меж собой,
Верны исконной девичьей привычке
Везде искать небесную любовь.

Ах, здесь что ни курсант – то сокол-парень!
Крылатым помогает Оренбург.
Ах, кабы знать, какой из них Гагарин?
Он сам тебя узнает средь подруг!

Спешат девчата к оренбургской «лётке»...
И пусть не всем сегодня повезло –
Не вышли на свиданье парни-«слётки»,
Поставленные крепко на крыло.

А может, и не выйдут... Может статься,
Взлетели, улетели высоко,
Чтобы мечтою навсегда остаться,
Ведь без мечты на свете нелегко!

Ведь без мечты, до времени состарен,
Однажды рухнет мир, как в страшном сне...
Люби меня, как я тебя, Гагарин!
Люби меня, не зная обо мне.

* * *

Солнышки-подсолнушки.
Солнышки-ромашки.
Есть осколки солнышка
В неказистой кашке.

Солнечные зайчики.
Солнца половодье.
Пижма, одуванчики,
Облепихи гроздь.

На моём оконышке,
Почитай, всё лето
Расцветает солнышко,
Собрано в букеты.

Плодоносит солнышко,
Ставшее вареньем.
Свет его не тает
Даже днём осенним.

Свет – оближешь пальчики! –
Нынче к чаю подан
Мёдом одуванчиков,
Донниковым мёдом.

В чашке – не хотите ли? –
Солнышко-ярило,
Зимних чаепитий
Ставшее мерилком.

* * *

Волгой, Волгой, а потом Мологой.
Из Мологи напрямиком в Китьму...
Я слыла когда-то недотрогой –
Чушь, непостижимая уму.

Я слыла капризною русалкой,
Искусив блаженством и бедой
Невзначай поймавших на рыбалке
Ту, что назовут своей судьбой.

Все они вели себя, как дети.
Волокли русалку под венец.
Для добычи расставляли сети
И – добычей стали наконец!

Ох, жена – не сыщешь расчудесней! –
Разменяла жизнь на ерунду.
Всё поёт неведомые песни
Да топиться бегаёт к пруду.

Всякая лягуха ей – царевна.
Всякий лотос – чуть ли не жених!..
Ну, а ты живи себе, как евнух!
Али не смирился, не привык?

...Не смирялись и не привыкали,
Становясь угрюмей и грустней...
И глаза их, полные печали,
Не забыть мне до скончанья дней.

Как с женой-русалкой ночи долги!..
В полнолуние, не смыкая глаз,
«Шла бы вниз по матушке, по Волге!» –
Думали, болезные, не раз.

Волжский взгляд русалий с поволокой
Тоже манит по теченью плыть...
Ведь к первоначальному истоку
Ничего уже не возвратить!

Почему же супротив теченья
Плыть извечно я обречена?..
Реки, речки, реченьки, реченья...
Не упомяну ваши имена!

...Волгой, Волгой, а потом Мологой...
Да не всё ль равно, куда идти,
Если сам к себе придёшь в итоге?..
А другого, видно, нет пути.

СВЕТЛАНА КУРАЧ

Родилась в 1964 г. в п. Томичи Амурской области. Живёт в Омске. Член Союза писателей России. Стихи печатались в газетах и журналах, антологиях и коллективных сборниках. Автор пяти поэтических книг: «Остров» (1999), «Древо» (2002), «Перевал» (2006), «Ладья» (2011), «Август» (2012). Лауреат Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А. Н. Толстого. Лауреат региональной премии им. Л. Н. Чашечникова (2013), премии «Омские мотивы» (2008, 2010).

«К ЛИЦУ ТЕБЕ СВЕТЛЕЙШИЕ СНЕГА...»

В ЕКАТЕРИНОВКЕ

Моим студенческим подругам, Гале и Вике.

По перине изумрудных мхов
Так легко мои пружинят кеды!
Хвойный дух и аромат грибов...
Кто бы знал, что я сюда приеду!

А дождя вчерашнего набег
Напоил тайгу своей прохладой.
И река, любимая навек,
Под горой течёт, куда ей надо...

Голубеет над рекой туман,
Голубеют ели на пригорке...
Голубую, – это не обман! –
Собираю ягоду в ведёрко.

И смакую незнакомый вкус
Я впервой – вот так, с куста, – чернику...
На базаре после разберусь,
Как её не спутать с голубикой.

Девочки, подруги... Сыновья
Выросли у нас, а мы всё те же.
Ягоды набрать бы, только я...
Взгляд по вам скользит, пытлив и нежен.

Посидим сегодня за столом,
Навсегда запомним эту встречу.
Были в изумрудно-голубом
Лес, река, и ягоды, и вечер...

МАМЕ

С листа капустного водичку,
Росу твоих мирских забот,
Пьёт нежно птичка-невеличка,
Полощет горлышко и пьёт.

Она нисколько не боится
Твоих движений и шагов.
Я знаю: понимает птица,
Что рядом с нею нет врагов.

Басит спокойно шмель мохнатый
В цветке глубоком кабачка.
Стремится бабочка куда-то,
Поймав теченье сквознячка.

В цветущем рае огородном
Не напугают, не съедят.
Природа дружит благородно
С хозяйкой лейки и лопат.

Твоим стараньям отвечая
(Ты, мама, просто молодец!),
Родит тебе земля сырая
И помидор, и огурец.

На фоне старого сарая –
(И он несёт годочков груз...)
Твои шафраны, и сараны,
И бархатцев осенний блюз...

БЕЗ СНЕГА НА ПОКРОВ

Ветер к ночи успокоится,
Ива с Ковшика попьёт...
Вдруг услышишь – за оконницей
Тихо-тихо дождик льёт.

А вдали – поля усталые,
Сено убрано в стога.
Стихла птица запоздалая,
Песня канула в луга.

Хорошо бы снегом шалевым
Плечи родине укрыть,
Чтоб в сыром тумане палевом
Ей не зябнуть, ей не стыть.

Не пришёл снежок, как водится,
Тихий дождик льёт и льёт.
Пусть поплачет Богородица,
Птица песню допоёт...

НОЯБРЬ

*Так безлюдно – пошто? Почему
так бескрыло и серо?
Ю. Перминов*

Под небом блёклым, бестелесным,
Под сенью облетевших ив,
Где по-над берегом отвесным,
Забывтый угол посетив,

В период времени печалей,
Беззвучных дней, тоскливых дум,
На волны глядя, у причала
Стоит поэт.
Один.
Угрюм.

Листвой засыпаны ступени.
Состарен цветом серебра
России лик. И на колени
Встать перед ней пришла пора,
Как перед матерью болящей,
Но не оставившей забот,
Что со стряпнёю немудрящей
Под вечер сына тихо ждёт...

И всю судьбу её приемля,
Над ней тоскуя и скорбя,
Стоит поэт, России внемля
И в нищете её любя.

* * *

Ты отвечаешь невпопад,
И мне не нравятся ответы.
А нынче – первый снегопад...
Пришла пора прощаться с летом.

Оно ушло недалеко –
Ещё сияют медь и золото.
Как утром дышится легко
В саду прозрачном и крылатом!

А коль пройдёшься вдоль реки –
Там ветер бросится навстречу.
Плывут, качаясь, островки,
Рисуют волны вязь колечек.

Бедовый ветер, молодой!
В порывах – свежесть и отвага.
И бродит август золотой
В моей душе медовой брагой.

Пришёл нежданно снегопад,
Но горячи ладошки клёна.
Ты отвечаешь невпопад,
А ива вся ещё в зелёном...

ЕДУ К МАМЕ

Утонула ёлочка в снегу,
Намело сугробов возле храма.
Голубиных крестиков насыпано
Щедро, как ромашек на лугу.

И стоит такая стынь и звень,
Словно космос наклонился долу
К колоколенкам церквушек белых
Слушать шёпот русских деревень.

И воркуют голуби в тиши,
У скамейки крошки собирая,
И взлетают, чтобы перелистывать,
Русь, молитвослов твоей души.

* * *

К лицу тебе светлейшие снега,
Ты в них всегда прекрасно моложава.
Опять метель скрывает берега
Твои, велико-лепная держава...

Великая и лепая моя!
Как уберечь тебя от униженья,
Незримого духовного паденья
В погоне за комфортом бытия?

К лицу тебе просторы до небес,
Под ними не один рождался гений!
И вязнуть ли на свалке потребления
Носительнице нравственных чудес?
В почёте кто? Хапуга и делец!
И раздувает низкие желанья
Всесильный торг... И зреет наказание,
Где золотой пресытился телец.

Претит смотреть рекламы дребедень,
Бессмыслицей набитой до оскомин.
Такие ль были истины искомы
Тобой, Россия, в твой рассветный день?

Великая и лепая моя!
Нелепа я в упрямом постоянстве:
Всегда мне люб твой плащ побед
и странствий...

Свети, свети берёзовым убранством
И Сергия примером жития!

К лицу тебе светлейшие снега...

* * *

«Во первых строках своего письма»
Я Вам расскажу, мой друг,
Что в Омске опять воцарилась зима,
Стал ближе полярный круг.

Что скоро застынет на речке лёд,
Льжни побежит строка.
Пойдёт на посадку ночной самолёт
Сквозь белый туман снежка.

В Органном – раскатисто льётся звук,
В Концертном – опять аншлаг...
Я помню, что двум берегам, мой друг,
Никак не сойтись, никак.

Россия – всё та же: печаль дорог,
И взмах платка вдалеке...
А здесь – Достоевский, сутул и строг,
По Тарской идёт к реке.

А здесь – любил адмирал Колчак
И канул в одну из вьюг...
Здесь в храме высоком горит свеча
За Вас, мой далёкий друг.

ТАРА

Тополя – по колено в снегу,
Палисады – под снежной периной...
Нынче ветер укрылся в тайгу,
Прогулявшись по улице длинной.

Я за ним по Советской пройду,
Где сугробы меня выше ростом,
И окошкам резным улыбнусь,
И пойму – всё хорошее – просто!

Просто – солнце, и просто – дворы,
Да искристого снега поляны.
У театра – следы детворы
И укутанный снегом Ульянов.

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ

Родился в 1990 г. в п. Большеречье Омской области. Работает заведующим научно-краеведческим центром в Тарской центральной районной библиотеке. Стихи и проза публиковались в периодических изданиях, коллективных сборниках Москвы, Санкт-Петербурга, Самары и др. За дебютную книгу стихов «Облачный парус» (Омск, 2014) удостоен звания лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2015) и региональной литературной премии им. Ф.М. Достоевского Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

СОВИНЫЕ СУМЕРКИ

Несколько мгновений я лежу с открытыми глазами, настороженно вслушиваясь в доносящийся с улицы шум. Мне нужно вскочить, захлопнуть окно, чтобы чудовище не смогло влезть, но нет сил пошевелиться! А оно – там. Скребёт когтями по бетонным плитам. Моя квартира на втором этаже, но я знаю: Оно доберётся до окна.

Скованный холодным ужасом, я лишь наблюдаю, как странное существо перемахивает через подоконник. Сначала мне кажется, что это человек, когда некто в черном дождевике приземляется на пол. Но когда чудовище оборачивается ко мне, на его лице вспыхивают два круглых жёлтых глаза.

В темноте ничего не разобрать, но я уверен: у него совиная голова. Слышу, как щёлкает клюв, как с противным клёкотом он медленно движется ко мне. Когда Не-что прикрывает свои луноподобные глаза, оно на мгновение сливается с тьмой, и мне думается, что всё это – дурной сон! Но вот глаза вспыхивают вновь. Ближе. Ещё ближе...

Я знаю, что половицы в моей комнате громко скрипят, стоит наступить на них, но под Его лапами старые доски остаются недвижимы. Гвозди со стальным терпением замерли. В комнате пахнет прелой листвой и человеческим потом.

Тянусь к прикроватной тумбе и касаюсь пальцами клавиатуры телефона. Мобильник взрывает тьму голубоватым свечением, вычерчивая контуры предметов и освещая ближайшие из них. Теперь мне отчетливо видна вся комната: компьютерный стол с пузатым монитором, хищно поблескивающая стенка шифоньера и распахнутое окно. Тюлевая занавеска покачивается от прикосновений холодного ночного ветра.

Тишина, покой... Только сердце испуганно колотится в груди.

Я вскакиваю с кровати, протягиваю руку к занавеске, отдергиваю её и... ничего. Вползает в комнату бодрящая прохлада, по улице проносится с птичьим клёкотом старенький жигулёнок с желтыми, как совиные глаза, фарами.

– Это всего лишь сон, – говорю я себе и в страхе замираю, не веря собственным глазам, – на подоконнике лежит небольшое птичье перо.

* * *

– Я тебе верю, – кивает Витёк, – мой сосед и одноклассник. Ему, как и мне, одиннадцать лет.

Мы сидим на ветвях крепкого, кряжистого клёна, нависающего над улицей. Внизу, в паре метров под нами, ходят люди, время от времени удивлённо поглядывая вверх, где трое ребят устроили некое подобие шалаша. Трое, потому что с нами Егор – он старше, ему тринадцать. Почти взрослый! Поэтому в нашей компании он самый главный.

– Ерунда, – перегнувшись через могучие ветви, говорит Егор, – не бывает монстров. Вы что, маленькие совсем?.. Ну да, я же забыл, что вы маленькие.

На его конопатом лице играет противная ухмылка, и нам с Витьком вдруг становится стыдно.

– Он перо нашёл, – восклицает Витёк, глядя, как густо я покраснел.

– Перо? Ну и что?

– А вот то! – я запускаю руку в карман шорт и достаю оттуда небольшое серое перо. Даже не перо – пёрышко.

– У вороны, что ли, выдрал? – тянет к нему свои худые пальцы Егор.

Я обиженно отдёргиваю руку с находкой.

– Сам ты ворона! – бурчу я. – Это на подоконнике было.

– Да ну?! – притворно удивляется конопатый. – Дай гляну, что за «трофей».

Он бесцеремонно отбирает у меня «трофей» и принимается с видом знатока вертеть перо в руках. То касается пальцами, то пытаются согнуть.

– Перо как перо! – наконец заявляет Егор.

– Да говорю же тебе, его тот монстр оставил, когда от меня убежал!

– Это он тебя так испугался, что ли?

– Он мобильника испугался.

– Потому что у тебя кирпич кнопочный, а не смартфон, – хохотнул Егор, – им можно кого хочешь напугать.

– Я уверен, что он из-за света убежал. А пока было темно – стоял в комнате и...

– Ты только что нам рассказывал, – отманивается конопатый.

Я молчу, вспоминая, как плескались желтизной фары машины, как свистел ветер. Может, это был сон? Просто сон. Они ведь бывают очень реальными.

– А может, твой монстр, – говорит Витёк, – специально перо оставил?

– Ага, – подхватывает Егор, – чёрная метка. Малой, он к тебе сегодня ночью придёт и слопаёт.

При этих словах я топаю ногой, отчего ветви подо мной начинают шуметь, а вниз, на асфальт, летят зелёные «вертолётники» – семена клёна. Вскидывает голову идущая внизу женщина:

– Что делают, шантрапа! – кричит она, стряхивая с пышной шевелюры насыпавшиеся сверху листья и кору.

А мы, позабыв про обиды, смеёмся, то ли радуясь тому, что крупногабаритной тётке до нас не добраться, то ли представляя, как она будет лезть на дерево, решив всё же проучить негодников.

– Ты на нас не обижайся, – говорит Егор, – просто глупо это – монстров бояться. Ты чего? Эй!

Он толкает меня в плечо.

– Ты чего замер?

Я не отвечаю, с ужасом глядя на человека, только что прошедшего под деревом. Вот начинает кричать громкоголосая женщина, обратив к нам розовощёкое лицо... Вот огибает её один человек, второй... и Он – третий прохожий. Высокий, тощий, с крючковатым носом и острыми скулами, в потрёпанной чёрной ветровке и таких же чёрных брюках. Осторожно отстраняет он костлявой рукой раскричавшуюся даму и бросает на нас короткий, резкий взгляд. Его глаза, большие, круглые и отливающие желтизной, будто прожигают во мне дыру.

– Это он! – шепчу я, тыча пальцем в незнакомца, который быстрым шагом идёт в сторону парка.

– Кто? – непонимающе спрашивает Егор.

– Монстр, – отвечаю я, и мне вспоминаются круглые жёлтые глаза той бестии, что смотрела на меня из мрака комнаты. Это не мог быть сон! Не мог!

– Да это бомж, – широко улыбается Витёк, – он в парке в вагончиках ночует. На колесе обозрения. А раньше жил на пристани, где дом такой с жёлтым забором и...

– Это он, – с уверенностью говорю я.

– А перья где? – ехидно интересуется друг.

– Не знаю, но глаза...

– А может, – вновь вклинивается в разговор любитель страшилок Витёк, – ночью он превращается в сову и кружится над домами? Забирается в окна... А днём превращается в человека?!..

– Не, – со знанием дела возражает Егор, – то оборотень. А это – бомж.

Витёк азартно хлопает в ладоши:

– А давайте за ним проследим! Пойдем до самого парка, посмотрим, что он там делать будет!

Егор пожимает плечами. Его явно не радует перспектива слезать с облюбованного дерева.

– Давай! – поддерживаю я инициативу друга.

– А ты не испугаешься? – подзуживает Витёк.

– Не испугаюсь!

– Мы идём в страшный-страшный парк ловить страшного-страшного оборотня.

– И ничё он не страшный, этот парк, – со вздохом прерывает наш диалог Егор, – сейчас часов шесть – светло ещё. Давайте спускаться да пойдём быстрее. А то я вечером ещё хочу по тарелке футбол глянуть. Наши будут играть.

* * *

Долго бродил странный бомж по парку, то останавливаясь и прислушиваясь, то заговаривая с редкими прохожими. А потом направился к жалобно поскрипывающим аттракционам. Затаившись за зданием билетной кассы, мы с интересом наблюдали за тем, как ловко он перемахнул через забор, взобрался по лестнице на вершину колеса и скрылся в одной из кабинок, раскачивающихся наверху, в каких-то паре метров от неба...

– Зря мы это затеяли! Ох, зря... – прежде бесстрашный Витёк сейчас переминается с ноги на ногу, глядя на высящееся невдалеке колесо обозрения. На фоне колосса три детские фигурки кажутся крошечными, и это пугает Витька. Впрочем, меня тоже.

– Давай-давай! – подначивает Егор. – Сам предложил за бомжом следить, а теперь что, струсил?

Витёк смотрит на него, потом на меня. Переводит взгляд на ограду, за которой вздыбился гигантский аттракцион.

– Ну? – нетерпеливо спрашивает конопатый. – Лезешь?

– Не, пацаны, – Витёк отводит глаза.

– Трус, – констатирует Егор и обращается ко мне:

– Ну, давай на ван-ту-фри, что ли, кто первый лезет.

Я с жалостью гляжу на Витьку. Бедняга... Всё смеялся над нашими страхами, а теперь боится сам.

– Лезь первым, – мой голос звучит громко и твёрдо. – Слышишь, Егор, первым. Или струсил?

Конопатый напрягается. Он привык, что все и всегда подчиняются ему, а тут такое. А мне просто обидно за Витьку!

– Лады, – цедит Егор сквозь зубы, – ты только не отставай, малой.

И вот мы перемахиваем через ограждение, подходим к пожарной лестнице, ведущей на вершину колеса обозрения, и Егор начинает восхождение, обхватывая вспотевшими руками ржавые перекладины. Я – за ним. Стараюсь не смотреть вниз, потому что знаю – мы уже высоко. Так высоко, что макушка берёзы, высящейся возле аттракциона, покачивается на уровне моих глаз.

Где-то внизу бегают струсивший Витёк. Ему сейчас хуже, чем нам. Всего-то на минуточку поддался страху, но долго теперь не сможет смотреть нам с Егором в глаза.

– Слышь, малой, – шипит Егор, когда я утыкаюсь головой в его ботинки, – ты аккуратнее, не торопись. А то столкнёшь меня. Всё равно футбол пропустили... – и ползёт дальше.

А я думаю: «Ого, как поздно! Уже вечер. Долго мы за бомжом ходили».

И начинает разливаться по телу неприятный холодок. А вдруг Витёк прав насчёт оборотня... Хотя, нет – про оборотня Егор плёл. Егор! Меня вдруг захлестывает злоба к этому конопатому. Ведь он придумал забраться наверх следом за бомжом и проверить, не превращается ли тот в оборотня. Глупость! Но нет же, мы не могли устоять. Егор сказал «кто не трус», и я не имел права струснуть!

Боюсь подумать, что ждёт нас наверху. Может, бомж пойдёт куда подальше за то, что мешаем спать, а может, сбросит вниз. Это же бомж, а они бывают злыми и жестокими! Я знаю это... по фильмам.

Занятый этими странными мыслями, замечаю, что макушки берёзы уже не видно и во все стороны от уводящей вверх лестницы – только небо, в закатных сумерках взявшееся багровой пеной. Поскрипывают кабинки, кричат Егор.

Мне вдруг становится страшно – а что если он устанет и упадёт вниз, увлекая и меня за собой? Но тут же эту мысль вытес-

няет другая: «Он старше меня и сильнее. Он не упадёт».

Егор замирает. Я запрокидываю голову и едва не разжимаю пальцы, вцепившиеся в холодный металл перекладин. Старший товарищ уже на самой вершине. Ему осталось лишь вскарабкаться на небольшую площадку и забраться в кабинку, но у площадки нет ограждения – просто квадрат в метр, открытый всем ветрам. А ветер силён. Он треплет волосы, рвёт футболку.

– Я боюсь, – произносит Егор, оборачиваясь ко мне через плечо. – Мне страшно. Я сдвинуться не могу.

Да что там, и мне страшно до безумия! Я готов предложить другу плюнуть на бомжа и спускаться вниз, но вспоминаю о Витьке, который был осмеян как трус. Ну, нет, Егор, я так просто не отступлю!

– Загляни в кабинку, – говорю я, но конопатый лишь мотает головой. Для того, чтобы заглянуть, ему надо взобраться на маленькую площадку, с которой можно легко сорваться вниз.

Сколько там метров? Двадцать? Тридцать?

А вокруг сгущаются холодные сумерки, даже небо, минуту назад яркое и румяное, теперь потускнело.

Нам пора домой! Давно пора! Давай же, Егор, посмотри на бомжа, убедись, что он там...

И тут у меня на поясе начинает предательски звенеть мобильник.

«Внимание... – разносится над сонным парком, – мама звонит».

В давящей тишине звук этот чудовищно громок. Егор вздрагивает, испускает не то стон, не то вой.

Это звонит мама... Она спросит, где я и когда приду домой...

Мама... мамочка!

«Внимание... Мама звонит...».

Замеревшая в пиковой точке кабинка вздрагивает, из неё вырывается огромная сова и с уханьем пикирует вниз, мелькнув на фоне потухшего небосвода.

Наш крик слышен далеко...

– Вниз, вниз! – вопит Егор, и я что есть силы перебираю ногами и руками, спускаясь по треклятой лестнице. А телефон всё не умолкает...

«Внимание... – заезженной пластинкой хрипит он из ременного чехла. – Мама звонит...»

Внизу что-то кричит Витёк, и в его голосе проскальзывают истерические нотки. Ухает сова, кружась вокруг колеса, кричит Егор, кричит Витёк. Кричу я – так, что в горле начинается першить.

Мама! Мамочка!

Наконец мои стопы касаются земли, и тут же в плечо впивается рука Витька:

– Сова, пацаны! Вы видели?!

– Валим! Валим отсюда! – хрипит соскочивший с лестницы Егор и бросается к бору.

Вслед за старшим товарищем мы перелезаем через ограждение и бежим прочь от аттракционов. На пустынной аллее едва не сбиваем с ног парня и девушку, стоящих, обнявшись, в темноте. Несёмся не разбирая дороги, то продираясь сквозь кустарник, то громко топая подошвами кроссовок по асфальту.

Лишь теперь я замечаю, что телефон больше не трезвонит. Я останавливаюсь, гляжу на дисплей:

«Один пропущенный вызов».

Это мама... она звонила...

– Ты чё встал?! – дёргает меня за рукав Егор. – Бежим! Это он! Ты был прав. Это он!

– Кто?

– Сова! Тот бомж превратился в сову! – он на миг умолкает, а потом, указывая на просвет между деревьев, туда, откуда мы только что пришли, вопит: – Вон он!

И я замираю, не в силах пошевелиться. По аллее, взметая крыльями пыль, летит огромная сова. Нет, даже не сова – филин. Огромный. Два жёлтых глаза светятся злобой, клюв раскрыт.

За моей спиной вскрикивает Витёк, и есть отчего – в полёте филин вытягивает ранее поджатые лапы с длинными когтями.

– Бежи-и-им!.. – теряется в стуже сердца сдавленный вопль Егора.

Я вскидываю руки перед собой, пытаюсь заслониться от острых когтей, и в этот момент дисплей телефона вспыхивает, а из динамика слышится:

«Внимание... Мама звонит...».

С воем филин делает вираж, уходя от яркого пятна света, и исчезает в кронах деревьев.

«Внимание... Мама звонит...».

– Что это было? – шепчу я.

Егор молча протягивает два серых пера.

– Откуда?

– Оттуда... – глухо отвечает конопатый.

Я заглянул внутрь... когда вылетела сова... там были только перья.

Я обессиленно киваю, нажимаю на кнопку вызова и подношу телефон к уху.

– Ты где? – едва пробивается сквозь непонятные помехи обеспокоенный мамин голос.

– В парке, – отвечаю я трясущимися губами. – Мама...

– Быстро домой, – строго говорит она. – Уже темно, – а затем спокойно и ласково: – И ужин уже давно готов. Быстрее давай.

Домой мы идём молча. Я поминутно жму на клавиатуру телефона, освещая путь перед собой, а когда, наконец, оказываемся на освещенной улице, Егор говорит:

– Малой, ты молодец.

О чем это он? О моем поведении или о вовремя зазвонившем телефоне? Так это не моя заслуга.

– И ты молодец, Витёк... – продолжает он, – извини, что я на тебя так.

Витёк молча кивает. Мы больше ни о чём не хотим говорить. Там, в парке, что-то случилось. Может, нам показалось, а может, и нет... У страха глаза велики, говорите? О, да! Они большие, круглые и жёлтые...

* * *

– Что там было? – спрашивает Витёк, когда мы сидим на лавочке возле моего подъезда, освещаемые одиноким фонарём. Егор уже давно дома, а мы всё не можем успокоиться.

– Бомжа там не оказалось, – отвечаю я, – в кабинке. Только несколько перьев.

– Может, он с другой стороны слез? – с надеждой в голосе спрашивает друг.

Я отрицательно мотаю головой:

– Ты же там был, не мог он мимо проскочить. Значит, он – сова... ну, то есть филин...

– А в чём разница?

– Ну, у филина лапы в перьях, а у совы – нет. И уши у филина...

Я пытаюсь вспомнить физиономию чудовища, привидевшегося мне минувшей ночью, и обмираю – у монстра, забравшегося ко мне в окно, не было ушей, как у филина...

Отреагировав на внезапное молчание, Витёк с опаской щёлкает пальцами перед моим лицом.

– Я думаю... про него. Почему он не напал ночью?

– Может, не был голоден, – пожимает плечами Витёк.

– Не-а... Он как будто... – я вновь замолкаю и хватаю друга за плечо. – Подождёшь меня минуту? Я домой сбегаяю.

Витёк с опаской глядит на неосвещённую дверь дальнего, своего, подъезда, затем переводит взгляд на безлюдный двор и, не желая, чтобы я счёл его трусом, согласно кивает.

– Только быстрее.

Я киваю в ответ, прикладываю ключ к домофону и рывком открываю дверь подъезда. Взбегаю по лестнице. Врываюсь в квартиру.

Мама на кухне. Что-то жарит. В сковороде на плите весело скворчит, а по комнатам разливается приятный запах пряностей.

– Мам, я пришел! – бодро заявляю я, скидывая кроссовки.

– Умаялся?

Отрицательно мотаю головой.

– Ужин будет через полчаса, – деревянной ложкой мама пробует горячее варево из сковороды и причмокивает, – или чуть раньше...

Я растерянно, впрочем, уже начиная понимать происходящее, замираю в дверях.

– Ты же звонила и сказала ужинать идти.

– Не обманывай, – с улыбкой отзывается мама. – Телефон в твоей комнате заряжается, а я на кухне весь вечер.

На негнущихся ногах иду в свою комнату. Открываю дверь, включаю свет. Мамин телефон лежит на кровати, рядом валяется зарядное устройство, а на полу – прелые листья и пара перьев.

Я хватаю телефон, подношу ближе к глазам и замечаю на корпусе едва заметные царапины... бороздки от когтей.

Сова! Это была сова – то существо, пробравшееся в мою комнату. Оно позвонило мне и спасло от филина!

Через окно прекрасно видно высящееся над крышами домов колесо обозрения. Мне представляется, как своим чудовищным зрением наблюдает отсюда огромная сова за детьми, лезущими на вершину колеса, и спасает их, позвонив. В тот момент я был так напуган и телефон так сильно хрипел, что мамин голос был едва различим. Но это звонила сова!

А злой филин – бродяга с жёлтыми глазами. Он превращается...

Вспомнив об оставшемся на улице Витьке, я выбегаю в коридор, быстро надеваю кроссовки, сломя голову несусь вниз по лестнице и уже собираюсь отпереть металлическую створку, как вдруг замираю, заслышав голоса.

– Голову забирай, а я возьму тушку... – хрипит один.

– Зачем ты звонил ребёнку? – спокоен и властен второй голос.

– А ты хотел, чтобы они забрались в гнездо? Бери и не вымажись в крови.

– Нужно быть осторожнее.

– Как? – каркаяще изрекает первый. – Мы и так не убиваем людей в постелях, чтобы не было слухов. Что ещё можем сделать?

– Улететь, – произносит второй.

Слышится удар о землю чего-то тяжёлого, но мягкого.

– Куда улететь?

– В город побольше. Этого ребёнка нам надолго хватит – мясо хорошее.

– Согласен, – клекоча, отзывается первый. – А там опять превратимся в людей...

Я распахиваю дверь. Знаю, что не нужно этого делать, что за ней – смерть, но не могу иначе, ведь снаружи мой друг.

– Витёеё!.. – кричу я и тут же замолкаю, прижатый к стене.

Увиденное потрясает – возле лавочки в свете тусклой лампы стоит грузный, невысокий мужчина в дождевике. Глаза его отливают желтизной, а руки, сжимающие что-то бесформенное, напоминают обезьяньи – длинные, волосатые, с крючковатыми когтями. Это – сова...

А филин – бомж в серой ветровке – прижимает меня к стене, закрыв рот ладонью.

– Тихо! – зло шипит он. – Если будешь молчать – выживешь. А если заговоришь...

Его глаза внезапно вспыхивают багрянцем, нос и рот на глазах превращаются в клюв, а небритый подбородок прорастает мелкими серыми перьями.

– Будешь молчать?

Я киваю.

Щёлкая клювом, филин оборачивается к сове и что-то по-птичьи говорит ему.

Тот отвечает по-человечески:

– Ну так прикончи!

Филин недовольно морщится:

– Одного унесём с собой на мясо. Двух не сможем. Трупы оставлять нельзя.

– Тогда выруби его, – произносит сова и поднимает с земли свой бесформенный свёрток. Это голова... Широко раскрытые глаза Витька остекленело смотрят на меня. Из полуоткрытого рта на асфальт стекает струйка вязкой крови.

Ноги подкашиваются, и я погружаюсь в беспамятство...

* * *

Врач уверяет, что я почти здоров...

Он даёт мне таблетки и улыбается, как старому знакомому, но я даже имени его не знаю. Просто врач.

Мама говорит, что он вылечит меня и я снова стану нормальным. Она не верит мне. Мой рассказ о сове и филине, об обезглавленном Витьке... она ни во что не верит!

Приходил полицейский, спрашивал меня и тоже не поверил. Они думают, что Витьку похитили, потому что у подъезда было много

крови, а я видел это похищение и сошел с ума! Но я не сошёл с ума! Клянусь!

Вчера я видел, как глаза у новенького санитаря блестели желтым. А сегодня сказали, что сбежала пациентка, девочка моего возраста. Я знаю, что она никуда не сбегала. Это филин-санитар её съел! Слопал, как говорил Егор. Сколько же их в нашем мире – оборотней, которых мы считаем людьми! Они бродят рядом с нами, а мы и не замечаем, пока не блеснут их безумные глаза, пока не щёлкнут клювы, не покажутся когти.

Мама... мамочка...

Доктор говорит, что в палате окно замкнуто на ключ, а ещё снаружи решётки и никто не сможет ко мне забраться! Но филин в здании! Я кричал, что он рядом, а мне не поверили. Только сделали укол...

Прежде чем я погрузился в беспмятство, санитар сказал: «Спи крепко, мышонок» и засмеялся с подсвистом и клёкотом.

...Может, всё это – лишь дурной сон?

ПО ВЕСНЕ

Дачный посёлок по весне напомнил ему заброшенное кладбище: заросшие бурьяном, заваленные прошлогодней ботвой участки. Вместо поваленных оградок – поломанный штaketник. Илья Иванович знал хозяев доброй половины здешних дач. Вон там ещё не до конца растащенный на кирпичи двухэтажный домина без крыши – дача советского чинуши, тяжело заболевшего в девяностые и умершего в начале двухтысячных. Ну и куда ему двухэтажное дачное надгробие? С собой забрал? А таких вот дач без хозяев или с новыми хозяевами с каждым годом всё больше. Идешь себе по аллее, видишь за кустами людей в спецовках, жгущих старую ботву, кричишь им:

– Звягины!

Оборачиваются, а это не они.

– А Звягины тут уже не садят, мы дачу купили, – говорит кто-нибудь из новых хозяев.

Остаётся лишь протянуть тоскливое: «Извините, обознался...».

Как на всяком кладбище, встречаются целые домики, аккуратно побеленные, с целыми дверями, относительно ровными заборами. Тут явно рачительные хозяева. «Родительский день» для двух-трёх поколений начинается в мае и длится до октября.

Работавший до выхода на пенсию водителем автобуса, Илья Иванович частенько вспоминал, как летом ему доверяли дачный маршрут. В восьмидесятые было много молодёжи, спешащей на дачу. В девяностых – сплошь старушки. Теперь же контингент разный, но в основном все люди моложе пятидесяти пересели на машины и добираются своим ходом. Скучно стало ездить в дачном автобусе с такими же, как он, стариками, все темы разговоров с которыми уже измусолены, аки вставная челюсть. Хотелось поговорить с кем-то помоложе, узнать новости, понять, чем дышат люди на десять-двадцать лет младше него.

Прогулка по разорённым дачам без попутчика – полезное в физическом плане, но беспросветно тоскливое занятие. Домишки, похожие на брошенные скворечни, почерневшие, иссохшие калитки, наспех перехваченные проволокой, скрипящие на ветру.

Сегодня Илье Ивановичу повезло. Параллельно ему по соседней аллее шла женщина лет пятидесяти, вела в руках велосипед. Илья узнал её и кинулся через ближайший проход между дачами навстречу.

– Игнатов, – замахал руками, – Петровна!

Женщина остановилась. Поправила сползшую на глаза косынку, прищурилась, попытаться понять, кто позвал её по отчеству.

– На дачу, да? – уже шёл к ней старик, понимая, что нашёл себе попутчика.

– А! – наконец признала его женщина, – Иваныч... На дачу, куда ж ещё. Надо хоть посмотреть, что с избушкой, забор подлатать. Говорят, опять по дачам лазали.

– Лазали, – со знанием дела подтвердил Илья. – Я зимой ходил тут: заборы полома- ны, в домиках все двери нараспашку.

– А что тут искать-то? Уже весь металл, какой был, разворовали.

– Это да... А они на пакость теперь. Моя вон в избушке по осени всё прибрала, коврик старый постелила, кровать заправила. Шторочки там всякие. Всё перевернули, аж тошно. Хоть ничего не делай. Ещё столбы металлические повыдирали.

– Да, – закивала Игнатова, – точно. Ко мне сын приезжал прошлым летом, я ему говорю: «Давай все металлические столбы вытащим и заменим на деревянные, чтобы никто забор не поломал, если придут за металлом». Он пытался-пытался их раскатать, убил день на один столб. А эти махом все восемь выдрали. Силы, видать, много.

– Это они по весне, пока земля оттаивает. В это время столбы как по маслу выдёргиваются. Я вон тоже хочу весь металл к чёртовой матери сдать, чтобы не лазали. Так ведь не отвадишь! Будут каждый год забираться, что-то искать. Моркошка подрастёт – выдерут, лук – туда же.

– Во-во, – дачница закивала. – Мы надрываемся, дачу унавоживаем, сорняки выпалываем. А они пойдут, продадут, на бутылку заработают и радуются жизни. Я тут на рынке прошлым летом с одной ругалась. Пьянчуга с пристани. У неё дачи отродясь не было. Всю жизнь бичевала, сколько её помню. А тут сидит, викторию продаёт. Я подхожу: «Откуда клубника?». «С дачи», – отвечает. Я говорю: «С чьей дачи?» – «Да с моей». Я говорю: «Ах ты, бесстыжая! Нет у тебя дачи». У кого-то наворовала и торгует сидит.

– Всё так. У меня родственники однажды, пару лет назад, приехали на поле картошку копать, а там какие-то крепкие ребята уже половину поля опростали и копают, как будто так и надо. Они с вопросом: «Вы какого чёрта тут делаете?» Те отвечают: «Наше поле!» Родственники мои: «Нет, наше!». А один из бугаёв такой: «Иди, старпёр, отсюда подобру-поздорову, пока не прикопали». Ну, он и сел со своей бабкой на пустые мешки.

– И чего?

– Ничего. Подождали, пока те ребята в машину к себе урожаем покидали и уехали,

тогда только оставшуюся половину начали выкапывать. Мало ли, дураков хватает. А вдруг и правда пришибут там же на поле. С них станется – лопатой по затылку, и всего делов.

Соседка энергично закивала:

– И ведь не сделаешь ничего.

– Можно пугнуть или попробовать поймавать, но... сама знаешь, что потом будет. Кого виновным выставят? Хозяина.

– Это да... Илья Иваныч, а ты не надумал ещё дачу бросать? – вдруг спросила собеседница.

– С чего бы? – пенсионер даже остановился.

– Ну, мало ли. Дети и внуки уже выросли, в большом городе живут. Вам с супругой много ли надо? Всё в магазинах можно купить.

– Да тут такое дело... Ты, Петровна, когда на пенсию?

– Через два года.

– Во-от... С работы уволишься?

– Уволюсь, наверное. Зарплату сокращают всем, так что за копейки днями работать – нет уж, пусть будет пенсия по минимуму, проживу.

– Дача поможет?

– Ну, конечно, – женщина расплылась в улыбке. – Всё-всё! Поняла, для чего тебе дача.

– Не только. Ещё этакое лекарство от скуки и тоски. Сидеть дома неохота, а дача и время занимает, и едой обеспечивает.

– Вот и Анна Викторовна Самарцева, – Игнатова кивнула в сторону одной из дач, калитка которой была распахнута, а возле домика стояли вилы и лопаты, – до чего божий одуванчик, а всё туда же, к земле... Ну, в смысле к даче.

– Да ладно, все мы к земле тянемся, – усмехнулся Илья, – поздороваться бы надо с одуванчиком.

Собеседница кивнула и тут же громко, звонко, по-девчоночьи закричала:

– Анна Викторовна! Вы тут?

Из домика выглянула немолодая женщина. Худая, с маленьким морщинистым

лицом, недовольно посмотрела на бредущих по аллее людей.

– Чего вам надо?

– Ой, извините... – Игнатова смутилась, – я думала, Анна Викторовна на даче работает.

– Умерла она. Ещё по осени, – бесцветно отозвалась женщина и снова скрылась в домике, застучал молоток.

Илье на ум тут же пришло странное сравнение: вот строили люди себе гнёзда, вили их. У кого-то простенькая избушка из фанеры, тонкая и лёгкая, как птичье гнездо, у кого-то – добротный скворечник. А теперь живут там совершенно иные птицы. Кто-то вырубит старые ели и сосны, посаженные первыми владельцами дач лет тридцать назад, лягут под топор яблони и вишни, на место которых посадят что-то новое. Каждый будет менять окружающий мир под себя. И так станет из года в год, из века в век меняться этот самый окружающий мир, ничего постоянного не оставляя.

– Извините, женщина... – широко улыбаясь, Илья Иванович шагнул к забору и громко добавил: – Можно вас отвлечь на секунду?

Неприветливая хозяйка «скворечни» вновь показалась на крыльце, на этот раз с молотком в руках.

– Ну?

– Меня Ильёй зовут. Илья Иванович. Мы с вами теперь соседи.

– И что? – в голосе новоявленной соседки отчётливо различалось раздражение.

– Просто, – старик развёл руками, – хотел познакомиться. Мало ли...

Неловко развернулся, пошлёпал по грязи к стоящей поодаль спутнице.

– Анна, – ткнулся в спину растерянный окрик. – Меня Анна зовут.

Обернулся, посмотрел с прищуром.

– Вы извините, что я с вами так, просто мама...

И заплакала.

– Это вы нас извините, – Илья примирительно выставил перед собой ладони, попятился к велосипеду.

– Что это с ней? – не поняла Игнатова.

Илья Иванович хмыкнул:

– Пойдём-ка отсюда, Петровна.

– Это ты её, что ли, довёл?

– Нет, не я. Это она сама себя... – и пошёл по аллее.

Спутница догнала старика минут через пять:

– Да кто она такая?

– Дочка Анны Викторовны, – на ходу бросил Илья Иванович, – старшая.

– Это которая в Германию уезжала?

– Да.

– Вернулась, получается... А почему она плакала?

– Мать умерла, – буркнул Илья.

– Так мать-то давно умерла.

Старик вдруг остановился как вкопанный, и Игнатова едва не налетела на него.

– Ты чего, Иваныч?

Старик запрокинул голову, взглянул на небо, подернутое лёгкой рябью облаков.

– Скворчики... Слышишь? Поют, свистят.

Женщина прислушалась, едва различила редкое птичье посвистывание.

– Вот пришла она на дачу, – тем временем продолжал Илья Иванович, – зашла в избушку, а там всё как при матери: на столе перчатки рабочие лежат, на крючках вдоль стен спецовки...

– Ты это о чём?

– О жизни, Петровна. О жизни...

ТАТЬЯНА КОМЫЛИНА

Родилась в 1963 г. в Таре. Работает руководителем литературно-драматургической части Омского государственного Северного драматического театра им. М.А. Ульянова. Произведения печатались в периодических изданиях, сборниках и антологиях Тары, Омска, Ужгорода. Победитель и лауреат ряда городских и областных конкурсов, в т. ч. VI и VII региональных поэтических конкурсов «Омские мотивы» (Омск, 2013, 2014).

РУЧКА С ЗОЛОТЫМ ПЕРОМ

Маринка просто летала от счастья. За все её неполно прожитые семнадцать лет это была первая настоящая победа. Победа над собой, победа над обстоятельствами, победа над всем её исковерканным детством.

В памяти всплыл отец. Он был вполне успешным журналистом и мечтал стать успешным писателем. Вечерами он читал рукописи своей жене, матери Марины. Она слушала и подсмеивалась над ним, но черновики бережно хранила. Это были серобелые листы, сплошь усыпанные чёрными буквами, написанными простой шариковой ручкой. Отец всегда писал только шариковой ручкой.

Девочка не понимала, почему отец ушёл от них и почему мама часто плачет. Особенно по ночам. Плачет тихо, но Маринка всё слышит. Мама сказала, что она, дочь, всё поймет, но потом. А когда наступит это «потом», Маринка не знала. И ждала. Но когда однажды совсем случайно она увидела, как её отец шёл по улице рядом с молодой женщиной и нёс на руках сверточек, перевязанный синей атласной лентой, она всё поняла. Поняла, что пришло это долгожданное «потом». И теперь уже плакала она сама. Плакала сильно, громко, навзрыд. Плакала от обиды и непонимания. Как он, её любимый папка, мог променять «свою стрекозу» на этот маленький сверточек? И как же море? Это сказочное море, куда отец обещал свозить их с матерью? А эта синяя ленточка... Какой, оказывается, неприятный этот синий цвет... И каким маленьким оказался в этот день её большой город.

Маринка перестала после школы выходить во двор, где её подружки играли в классики, виртуозно прыгали через скакалку и уже строили глазки соседским пацанам. Она боялась лишних вопросов. Боялась потому, что у всех были папы, а у неё – нет. Всё своё свободное время Маринка уделяла чтению. Она читала запоем, читала всё, что только было в доме и что попадалось на глаза. Она бы с удовольствием прочитала бы и все ру-

кописи отца, но мать тщательно скрывала их от дочери. Потом Марина записалась в библиотеку и не заметила, как и сама начала сочинять рассказы.

Шли годы. Марина заканчивала школу. Только она одна знала, как ей порой бывает трудно. После ухода отца заболела мать. Сдали нервы, зашкаливало давление и постоянно болело сердце. Соседи уже привыкли к вою сирены «скорой» и сочувствовали и Маринке, и её матери. А сама Марина с ужасом наблюдала, как любимая мамочка, молодая и красивая, всегда ухоженная, постепенно превращается в старуху, а всё хозяйство ложится на хрупкие Маринины плечи. Она варила, мыла, стирала и ходила в магазин за покупками. Из материнской пенсии дочь умудрялась что-то сэкономить, откладывая небольшую сумму в старинный ридикюль, перешедший в наследство от бабушки.

Вслед за инвалидностью матери в доме появилась Виктория Владимировна, социальный работник. Она приходила три раза в неделю, что-то мыла, убирала, бегала в аптеку за лекарством, а потом...

Потом наступали самые приятные минуты для Маринки. Виктория Владимировна садилась в кресло и внимательно просматривала черновые записи рассказов этой не по годам повзрослевшей девочки. Просматривала молча, лишь делала пометки на полях. И Маринка понимала, над какой строчкой ещё нужно поработать.

Виктория Владимировна долгое время преподавала литературу в каком-то институте, а потом, по понятным только ей одной причинам, уволилась и устроилась социальным работником. Спешить ей было некуда да и не к кому. Она жила одна, без детей, без мужа.

– Не сложилось как-то, – смущённо говорила она.

Кажется, они с Маринкой понимали друг друга с первого слова. И только она одна знала Маринкину мечту. А мечтала девочка о том, как получит свой первый гонорар за изданную книгу и повезёт маму на море.

За границу, конечно, не получится. Ну, ничего! Можно отдохнуть и в России: в Сочи, например, или в Анапе. Она выберет самую дорогую гостиницу с видом на Чёрное море, чтобы рядом обязательно была поликлиника (для мамы) и аквапарк (для неё).

– Виктория Владимировна, а может, и вы с нами? – иногда говорила она. – Вы нам как родная. И мама будет довольна.

– Вот и хорошо, что как родная. А мне большего и не надо, – улыбаясь, говорила она и как-то по-матерински гладила девочку по голове.

В этот день ничто не предвещало беды. Маринка, как обычно, пришла из школы. Дома уже хозяйничала Виктория Владимировна. Мама от обеда отказалась, и Маринка, одна наскоро перекусив, побежала в редакцию.

Звонок из редакции, куда молодая писательница регулярно относила свои рассказы, был для неё полной неожиданностью. Впрочем, было два звонка. Второй – от её отца. Он хотел встретиться с дочерью и даже указал адрес: Бульвар Победы, 8. Марине этот адрес показался знакомым. Она посчитала звонок отца очень странным, ведь он столько лет не давал о себе знать. Но это потом, потом... Потом... Это слово она почему-то не любила с тех самых пор, когда отец ушёл.

По телефону сотрудник издательства говорил много, но Марина запомнила только одно: «Книга вышла большим тиражом. Зайдите, обговорим дальнейшее сотрудничество». То, что на её счет перечислен большой гонорар, она осознала уже по дороге домой. На тот самый счёт, где хранились скромные алименты от отца.

...Маринка просто летала от счастья. За все её неполно прожитые семнадцать лет это была первая настоящая победа. Победа над собой, победа над обстоятельствами, победа над всем её исковерканным детством.

Она держала в руках авторский экземпляр, где крупными буквами была написана её фамилия. Нет ничего приятнее, чем держать эту книгу в руках и ощущать её запах. Запах свежей типографской краски. И лю-

боваться своей фамилией – Краснопевцева. Красивая фамилия.

И тут Маринка вспомнила об отце: а как он? Пишет? Странно, но за столько лет она ни разу об этом не подумала.

– Пишет, конечно же, пишет, – успокоила она саму себя. – Он просто не может не писать, раз у него такая талантливая дочь!

Идея купить ему красивую ручку пришла сама собой. Сняв деньги со счёта, благо Сберегательный банк находился рядом с издательством, Марина зашла в магазин канцелярских товаров. На самом видном месте лежала ручка с золотым пером. Красивая и не очень дорогая. Марина вспомнила слова отца: «Вот стану известным писателем, куплю себе ручку с золотым пером!» Марина, не раздумывая, купила ручку и положила футлярчик в сумочку, где лежала ещё довольно крупная сумма денег.

А теперь домой!

Рядом с автобусной остановкой она увидела светящуюся надпись «Отдых у моря». Маринка быстро вбежала в офис какой-то туристической фирмы. Совсем молоденькая девушка стала расхваливать различные курорты, но Марина заинтересовалась объявлением следующего содержания: «Совместить лечение и отдых у моря можно лишь с ленивым позированием для вспышек фотокамеры!»

– Придумают же, – подумала она и стала оформлять путевки в эту самую базу отдыха в Евпатории с красивым названием «Приморская Галатhea».

Наконец-то они с мамой поедут на море! На то самое Чёрное море, куда их обещал свозить отец.

Отец... В этой радостной суматохе Марина совсем забыла об отце.

– Бульвар Победы, 8. Это же адрес издательства! – с удивлением подумала про себя Марина. Так вот почему этот номер казался ей знакомым. Но почему именно там? Надо вернуться, ведь отец её, наверное, уже ждёт.

Отца она узнала не сразу. Он сидел на скамейке и листал какую-то книгу.

– Папка, я пришла, – скрывая слёзы, выдавила из себя Марина.

Отец быстро встал, прижал к себе дочь, и Марина ощутила на своей щеке какую-то влажность.

– Папка, ты плачешь? Не плачь, всё хорошо. А ты молодец, всё такой же стройный и красивый.

Казалось, отец не находил слов. Он молчал и плакал, смахивая скупые мужские слёзы.

– Давай присядем, папка, – сказала Марина и только тут обратила внимание на обложку книги, которую держал отец. На обложке красивыми буквами было написано: Марина Краснопевцева.

– Вот, по старой дружбе достал, – смущенно сказал отец, – поздравляю.

– Спасибо, папка! Видишь, я вся в тебя! А это тебе...

Она протянула отцу желтенький футлярчик с заветным подарком.

– Ты ведь пишешь?

– Пишу, – смущенно ответил отец, – дочка, ты прости меня, так вышло.

– Всё хорошо, папка. Всё хорошо. Я люблю тебя.

– И я тебя люблю, стрекоза ты моя. А это вам... с мамой, – он протянул Марине конверт, – положи в сумочку, дома посмотришь.

Марина положила конверт между страниц своей первой в жизни книги.

– Ну, я пойду, там мама... ты звони...

Она ещё раз поцеловала отца и быстрым шагом пошла по тротуару. Ей почему-то хотелось побыстрее уйти. Она шла и думала о том, как он изменился: постарел, осунулся.

Она шла и думала, рассказать маме о встрече с отцом или нет? И твердо решила: нет.

Она шла и не знала, что отец давно не работает журналистом, что он так ничего и не написал и, тем более, не издал. Не знала она и того, что уже больше никогда не увидит маму живой. Эти несколько часов перевернули всю её жизнь.

Спустя несколько дней, оправившись после похорон матери, Марина вспомнила про

конверт, который дал ей отец. Она достала с полки книжного шкафа книгу. Из неё выпал конверт. Марина открыла его. В конверте лежали две путёвки в Турцию. Она заплакала.

Глотая слёзы, Марина про себя прочитала начало рассказа: «Маринка просто летала от счастья. За все её неполно прожитые семнадцать лет это была первая настоящая победа. Победа над собой, победа над обстоятельствами, победа над всем её исковерканным детством».

Слезы беззвучно капали на страницы книги.

– Доченька, всё будет хорошо, – Виктория Владимировна нежно погладила её по голове.

КОНСТАНТИН ТИГОВ

СЧАСТЛИВОМУ НЕ ДО ПЕЧАЛИ

Если душа опережает развитие тела, то рождаются романтики, фантазёры. А если тело опережает развитие души, то, наверное, рождаются скептики.

А так как к развитию моего тела у меня были большие претензии, то я себя относил к романтикам.

К тому времени, о котором идёт речь, я пережил безответную и роковую любовь к соседке. Она была красивая и глупенькая. В неё постоянно кто-нибудь влюблялся. Когда я думал о ней, то наряду с хорошими в голову лезли всякие идиотские мысли. Такие настырные, что с вечера невозможно было заснуть! Это отвлекало от учёбы в десятом классе.

В конце концов, соседка вышла замуж за рябого весёлого парня, который пришёл из армии и ездил к ней за пятнадцать километров на собственном мотоцикле.

После этого я решил, что с любовью покончено раз и навсегда. Нечего забивать голову глупостями! Появилось больше времени. Я успешно закончил десятый класс, стал готовиться в институт.

Где-то вычитал, что у Чехова в юности был перстень с надписью: «Одинокому вез-

де пустыня». Меня удивило, что у такого весёлого автора такой грустный девиз. Когда этот перстень появился у Антоши, то деспот-отец решил, что пора женить парня.

Девиз мне понравился. Угрюмое отношение к действительности роднило нас с Чеховым. Я сделал себе такой же перстень из мельхиора, пошил вельветовый костюм и решил поехать учиться в чеховский город Таганрог.

В новом месте – новые впечатления. Сначала экзамены, потом поездка в колхоз, начало занятий... Я всё ждал, что кто-нибудь спросит меня про перстень, и я расскажу о Чехове. Но никто про перстень не спрашивал, и я легко забыл о том, какой у нас с Чеховым замечательный девиз. Мне было интересно на лекциях, в библиотеке, в спортзале, а с друзьями я вообще готов был не расставаться никогда.

С квартирой мне тоже повезло. Тётя Аня, моя хозяйка, работала в ночную смену в хлебопекарне. Сын её служил в армии и должен был скоро вернуться. Если он надумает жениться, мне предстояло подыскивать себе другое место для жилья, – такой у нас был уговор. Намыкавшись до этого по разным углам, соседствуя то с выжившими из ума, то с богомольными бабками, я ценил то, что имел. Занимал комнату Алексея, изредка крутил его магнитофон, пользовался книгами из его библиотеки. Никто не мешал мне заниматься. Хозяйка возвращалась с работы, когда я уходил на занятия. Собственно, виделись мы только вечерами да в выходные дни. У нас установились хорошие, дружеские отношения. Тётя Аня любила готовить и часто по выходным угощала меня вкусной стряпнёй. Наши беседы за чашкой чая были сердечным и доверительными. Из «рундука» извлекался семейный альбом, и мы вместе рассматривали снимки военных лет. Меня удивляло, как много может вместить одна человеческая жизнь.

В войну тётя Аня была связной в партизанском отряде. Ей шла солдатская форма: китель, юбка, сапоги подчеркивали стройность её невысокой фигурки. Вот на чёрно-

белой фотографии тех лет: глаза молодые, задорные, по-лисьи раскосые и плутоватые, из-под пилотки выбиваются светлые кудряшки. Лицо приятное. Ничего его не портило. Но с тех пор прошло много лет, и теперь не верилось, что эта красивая девушка и тётя Аня – один человек. Что жизньместила и войну, и любовь, и смерть любимого человека. Теперь вот ни родителей, никого не осталось, кроме Алексея, который был почти моим ровесником. А как родился, тётя Аня об этом не распространялась. Говорила, что «любила одного достойного человека».

– Это я теперь, когда Алёшка подрос, на работу и домой. А раньше я весёлая была, знакомства водила, гостей любила. Не то что ты, всё книжки читаешь.

Она мне заговорщицки подмигивала, и глаза у неё молодо блестели, как там, на фотографии. Она отправляла меня на улицу погулять или пыталась познакомить со «случайно» забежавшими к ней за кулинарными рецептами молоденькими соседками.

Я не поддерживал её благих намерений, и наш разговор обычно заканчивался фразой: «Ну, ничего, вот придёт из армии Лёшка, он из тебя сделает человека!»

И он пришёл. Было шумное застолье. Откуда-то набегали родственники. Все были рады. Но больше всех радовался Алексей: «Наконец-то на гражданке!» Меня не выселили, Алексей обосновался в зале, а я продолжал жить в его комнате.

Мы действительно быстро подружились. После занятий ходили по городу, фотографировались, заказывали ему модные брюки в ателье, покупали рубахи, подбирали галстуки. Первые дни он без меня вообще шагу не делал. Говорил, что отвык от всего и ему нужен провожатый. Мы обходили его бесчисленных родственников, домой возвращались в «приподнятом» настроении. Включали магнитофон. Словом, учиться было некогда. Потом Алексей привык к городу и уже не дожидался меня с занятий. А уходил с утра, как он объяснял, «устраиваться на работу».

Был выходной. Я решил в этот день поработать над курсовой. Разложил свои записи, приготовил книги.

...Шумно и весело в комнату влетел Алексей. Упал на мою (а когда-то свою) кровать и почти закричал в восторге:

– Какие девушки! Какие девушки пропадают! – Он под прямым углом поднял ноги, качнул ими в воздухе и резко встал. – Бросай свою писанину, одевайся, пойдём знакомиться. Представляешь, прихожу я к своей тётушке, а у неё на квартире две красотки с иняза поселились. Одна беленькая с голубыми глазами – Наташа, другая – чёрненькая, оказывается, моя дальняя родственница, зовут Галей. Трудно отдать кому-либо из них предпочтение, но я тебе, так и быть уступаю свою далёкую родственницу, тем более что о её существовании до вчерашнего дня не подозревал.

Он начал тормозить меня, подзадоривая, толкнул в плечо, и через минуту мы уже, опрокидывая стулья, боролись по-настоящему. За это мы часто получали от его матери «разгон». Алексей побеждал чаще, хотя я когда-то занимался борьбой. Руки у него были крепкие, и солдатская служба пошла на пользу.

– Салага, – кричал он мне в азарте, – службы не нюхал, а туда же – на бывшего флотского!

Запахавшись, набив синяков и шишек, перевернув всё в доме, через пару минут мы уже сидели на ковре и рассуждали:

– Какие наши годы. И сколько той жизни! – повторял он свою любимую поговорку. – Одевайся, стервец, и благодари дядю, что он беспокоится о твоей личной жизни.

– Никуда я не пойду, у меня курсовая горит, – бубнил я.

– Плюнь на неё. Ради такой девушки маму родную на время забудь! Курсовая! Нацарапаешь ещё, успеешь!

Дело было не в курсовой. Я её заканчивал на черновике... Я смотрел на Алексея и похорошему завидовал ему. Высокий, стройный, с загорелым лицом, со светло-серыми глазами, яркими, красиво очерченными губами, он казался мне красавцем. Но даже

дело было не в этом. Он умел говорить глупости, рассказывать анекдоты. А о чём буду говорить я?

– Не пойду, не люблю эти случайные знакомства.

– Да какие же они случайные. – Алексей поднялся с пола, взял со стола пачку сигарет, щёлкнул зажигалкой и подошёл к зеркалу, поправляя причёску. – Тебе обязательно надо вытащить её из огня, отбить у бандитов... Да об этом только в романах, которыми вы себе башку забиваете. Идёшь ты, наконец, или нет?

– Нет!

– Ну и шурши тут своими бумагами! Тоже мне квартиранта подсунули!

Одеваясь, он сокрушенно добавил:

– Такая девушка пропадает. Жаль родственницу!

Оделся и снова вошёл в мою комнату. Помолчал, полистал томик Есенина. И ушёл, не сказав ни слова. Я остался один. На душе было тоскливо. Писать перехотелось. Перечитал свои дневники и сделал вывод, что всегда был таким же дураком, как сейчас: всегда делал всё во вред себе. С такими мыслями заснул.

Приближался день Красной Армии. Каждый раз, придя со свидания, Алексей восторженно рассказывал о том, как живут наши знакомые, и сочувственно о том, что пропадает «такая девушка!», его родственница. О том, как она опять интересовалась мною. Меня волновали эти разговоры, но переступить через однажды сказанное «нет» я не мог и повторял его снова и снова, когда он приглашал меня с собой.

За три дня до праздника Алексей сказал:

– Двадцать третьего февраля, вечером, мы придем втроём. Не вздумай слинять. Предупреждаю тебя потому, что ты не любишь «случайных знакомств», – последние слова он сказал, явно передразнивая меня, стараясь даже передать какое-то моё выражение лица. – Смoeшьсeя – не буду с тобой разговаривать, посчитаю за труса.

– Это насилие над личностью! – улыбнулся я, протестуя.

– Ничего, перетопчешься, не сорок первый год!

В этот день я пришёл с занятий пораньше. Пытался что-то читать, но ничего не мог сообразить. В голове вертелась одна и та же мысль: «Они придут сегодня, возможно, даже сейчас. О чем я буду говорить? Как я себя буду вести?» Время тянулось, как в ожидании бомбёжки. Был уже поздний вечер. Я слышал, как хозяйка собиралась на работу.

– Костя, я пошла. Если это «чудо» придёт поздно, скажи, что я задам ему трёпки, – она говорила об Алексее. – Пусть концерты не устраивает, магнитофон не включает, а ложится спать.

И в этот момент послышался топот, голоса. Тишина взорвалась смехом и восклицаниями.

– Тётя Аня, миленькая, с праздником! Куда вы?

– А, племянница! Заходите, заходите. И ты, чудо, явился! И уже навеселе!

– Праздник, маман. Какие наши годы! Выпьем шампанского за Красную Армию?

– Гуляйте без меня, я опаздываю. Смотрите тут! Не кричите, не мешайте Косте.

– Косте? Не мешать? Да мы ему сейчас все кости перемешаем! Эй ты, бумажный человек, иди, посмотри, какие девушки пришли.

Девушки дуэтом запищали: «Лёшка, чёрт, задавишь!»

Нужно было идти навстречу. Не сидеть же болваном в своей богадельне.

На пороге стоял Лёшка с покрасневшим, возбуждённым лицом, обнимая за тонкие талии двух стройных, точно нимфы, девушек. Они успели снять верхнюю одежду и в нарядных платьях, с мороза, действительно казались красавицами из Зазеркалья.

– Оцени мою родственницу: прелесть! Если бы не родственные отношения, сам бы влюбился. – Он подтолкнул темноволосую ко мне. – Знакомьтесь!

– Галя, – улыбнулась она, протягивая руку.

– Костя, – я некрепко пожал холодную ладошку.

– А это моя Наташа. Оставляю тебе её, развлекай. А мы с Галкой накроем на стол.

– Мечи на стол, родственница! – кричал он уже на кухне.

Галя поставила на стол торт и побежала на кухню греметь посудой. Алексей вернулся, пощёлкал клавишами магнитофона, нашёл популярную песенку. Сунул мне в руки карты и тоже ушел на кухню. Там они с Галей о чём-то спорили, в чём-то убеждали друг друга. На сковородке трещала яичница.

Мы с Наташей пробовали играть в дурака. Но я был рассеян, за игрой не следил. Искоса поглядывал на Наташу изучающими и восторженными глазами.

Светлые русые волосы, пушистые, как дым, свободно падали на плечи. Голубые глаза, свежее лицо с детскими губами. Она была спокойна и медлительна в движениях. Девушка, которая уже может нравиться как женщина и прекрасно это понимает. «Какая красивая! – думал я, – как рисунок Нади Рушевой, где детское наивное и, угаданное талантом Создателя, взрослое, глубокое, непостижимое, классически сочетаются. В поле зрения всё же чаще оказывались тонкие красивые пальцы, узкое запястье и пухленькая к локтю рука, усеянная множеством родинок.

Галю я не успел рассмотреть. Она вбегала из кухни в зал так стремительно, что ничего в этом космическом движении нельзя было остановить и разобрать.

– Танцуйте! Что вы киснете? – бросила на ходу. Стрельнула в меня искрящимися карими глазами. Пискнула: «Чёрненький!» – и снова выпорхнула на кухню. Мне её комплимент не понравился. Вернее, показался сомнительным. Вроде: «Вот на этот раз чёрненький попался». А мог быть и беленьким? Оценивает, как котика или собачку.

– А что, потанцуем, – осмелел я наконец.

Наташа с готовностью, но не спеша поднялась навстречу. Когда я одну руку положил ей на талию и второй рукой почувствовал маленькую двигавшуюся лопатку, вся смелость моя исчезла. Сразу обдало жаром. В руках было нагое девичье тело! Через тонкое шёлковое платье угадывалась каждая его линия.

И ощущалась живая плоть! Мне показалось даже, что ни комбинации, ни лифчика под платьем не было и в помине. Я молил Бога, чтобы скорее кончилась музыка.

– Скоро вы там, на кухне? – спросила Наташа. – Она тоже чувствовала мою неловкость.

– Сейчас, сейчас, – отозвался Алексей. – Я сам умираю от жажды и голода.

– Ну, вот и готово! – широко развела руками Галя, поставив последними на середину стола бутылку шампанского и вазу с цветами.

Все уселись.

– Наливай, – скомандовала она Алексею. – Поздравляем вас, мужчины, с праздником. Никогда не воюйте! Видите, как мы вас любим, даже цветы в феврале. Цените!

Она так чокнулась со мною, что вино плеснуло из её рюмки в мою и немного пролилось на стол.

– Ура! Получилось! Говорят, это верная примета.

Чего это была верная примета, так и не призналась.

– Кушайте, мальчики. Следующий тост «на брудершафт».

Меня раздражала эта её манера трещать без умолку.

– Теперь «на брудершафт» с поцелуем. Я хочу с вами, Костя.

Выпили «на брудершафт». От поцелуя я наотрез отказался. А танцевать всё же пошёл. А когда опустились в изнеможении на диван и она прижалась к моему плечу, не помню, как получилось, но я наклонился и жадно и долго поцеловал её в губы. Все притихли. Потом Алексей захлопал в ладоши и закричал:

– Ну, ты даешь!

Я не знал, что ответить, у меня, наверное, был глупый вид. Галя прижалась теснее ко мне и громко сказала:

– Не слушай его, дурака.

Я увидел её приподнятое ко мне лицо, длинные веки полуприкрытых глаз и подставленные для нового поцелуя влажные губы. Это меня отрезвило. Она почувствова-

ла мою отчуждённость, раз-другой попыталась поправить положение. Потом пересела на своё место за стол и немножко притихла. Начала подпевать певице.

«Так уж бывает, так уж выходит...» – бодро неслось из динамика.

С раздражением на Алексея я думал: «Привёл родственницу. Ничего она не красивая. И, наверное, пустая и развязная».

– Знаете, – было, начал я. – Мне завтра реферат сдавать...

Но договорить я не успел, Галя выскочила из-за стола.

– Мне плохо. Я уйду домой. Провожать меня не надо. – И она метнулась к вешалке.

Алексей молча взял меня за руку и увёл в мою тёмную комнату. Там он закурил:

– Слушай, Костя, не порть этот вечер до конца. Я на него столько надежд возлагал, – он значительно подмигнул мне. – Топай, догони её, проводи домой. Как? Там твоё дело, хоть на пионерском расстоянии. А мы с Наташей останемся – Мне ведь пора уже переходить к решительным действиям. – Он снова противно подмигнул мне. И загасил окурок в цветочнице.

Я пошёл провожать Галю не потому, что подчинился Алексею. Мне действительно неудобно было за испорченный вечер, и я не мог допустить, что по моей вине девушка одна, поздно ночью пойдёт через весь город.

Шла она быстро. Голова её была не покрыта. Шаль моталась на шее. Я догнал её и пошёл рядом. Совсем рядом. Отстал, закурил, снова догнал. Молчали ещё долго. Заговорила она первая. Немного успокоилась, прикрыла голову. Замедлила шаги.

– Ты думаешь, я такая, какой была там, на вечере? – она внезапно остановилась и повернулась ко мне. – Я играла. Мне сказали, что ты дикарь, сторонись девушек. Лёшка говорил. Он сказал, что тебя надо растормошить. Во всём быть первой. Вот я и старалась. Я ведь сама ужасная трусиха, – добавила она тихим и таким своим голосом, что я его почувствовал всем нутром. – Да ты знаешь, ты знаешь, – запальчиво продолжала она, – ты первый. – Она замолчала и снова

тем своим тихим голосом добавила: – Кто поцеловал меня.

Ветер рвал одежду, пронизывал душу. Но от этих слов стало жарко спине. Так жарко, как тогда, когда я опустил руку на талию красивой светленькой Наташе, и потом, когда танцевал уже с Галей.

Я остановил её за плечи, посмотрел в глаза. Они были полны слёз и доверчиво подняты ко мне. Что-то сдавило грудь щемящее, родное. Я взял её под руку. Она обняла мою руку свободной рукой и так робко прижалась ко мне, что показалась маленькой, беззащитной младшей моей сестрёнкой.

Я снова остановил её за плечи. Она подняла чуть улыбающиеся глаза. Ткнулась лицом в мое пальто.

С этой минуты мы болтали, не умолкая ни на минуту. Было хорошо и светло на душе. Была определённая ясность в мыслях. Находились слова и шутки. Смех изгонял из души последние крохи недавнего недоверия, отчуждения и горечи. Казалось, что даже ветер поутих. Стало теплее и светлее от белого снега. Давно мы были около дома, в котором они жили, но ходили кругами: возвращались и снова уходили от него. Мы договорились о новой встрече и, когда, прощаясь, уже подходя к калитке, я спросил:

– Может быть, ты и сейчас играешь?!

– Что ты! Я теперь навсегда закаялась, – улыбнулась она.

В это время в начале улицы мы увидели Алексея и Наташу. Они шли на расстоянии и как-то отчуждённо друг от друга. Почему-то нам не захотелось встречаться с ними, и мы поспешили расстаться.

Восьмое Марта встречали с Галей одни в недорогом кафе, в городском парке. На столике установили подаренный мною букетик цветов. Пили дешёвое вино, танцевали под «механическую» музыку. Говорили, много смеялись. А из глубины парка, от танцплощадки доносились обрывки другой музыки, других, нежели в кафе, песен. Снова на миг донеслось уже знакомое:

«Так уж бывает, так уж выходит:

Кто-то теряет, а кто-то находит».

Может, это про нас? А может, про Лёшку с Наташкой, – лёгким облачком, как в зеркале, отразилась грустная мысль, проплывая где-то в глубине сознания...

Но, как говорится, счастливому – не до печали.

ТАТЬЯНА СИНЯК

Родилась в 1993 году в п. Муромцево Омской области. Работает учителем иностранных языков. Стихотворения и проза публиковались в сетевых и региональных сборниках и периодических изданиях: «Вдохновение молодости» (Тара, 2012, 2013), «ПарОм» (Омск, 2013), «Складчина» (Омск, 2013) и др. Участница II регионального литературного семинара поэзии и критики «ПарОм», лауреат регионального литературного фестиваля «Макаровская осень» в номинации «Лучший самодеятельный писатель» (Больше-речье, 2015).

ИНОПЛАНЕТЯНИН

Вика откровенно скучала. Она играла на детской площадке, в песочнице. Играла одна. Девочка наполняла формочки песком, шлепала ими о бортик песочницы, прихлопывала сверху совочком и получала разные фигурки. Такая игра вскоре начала надоедать.

Можно было, конечно, попросить маму поиграть вместе, но та болтала о чём-то с подружкой, и Вика знала, что она ответит. «Не мешай нам разговаривать, – скажет мама, – иди играть».

Девочка отложила формочки, отряхнулась и выбралась из песочницы.

– Мам, можно на качелях покачаться?

– Хорошо. Только недолго.

– Ладно! – воскликнула девочка.

– И смотри аккуратней, не расшиби себе ничего, – закричала мама ей вслед.

Качели оказались интереснее песочницы. Нужно было лишь оттолкнуться, раскататься и... летать. Но вдруг Вика заметила ма-

ленькую бабочку. Она порхала в воздухе легко и беззаботно. Покружилась над качелями и приземлилась на плечо девочки. Вика замерла. Ей захотелось рассмотреть узоры на тонких крыльях. Вика медленно потянула руку к плечу, но бабочка упорхнула. Девочка спрыгнула с качелей и осторожно пошла за ней. Вика и не заметила, как покинула свой двор. Соседний двор показался девочке гораздо уютнее. Там рос раскидистый тополь, под ветвями которого не было жарко, несмотря на знойный день.

«А в моём дворе везде стоят машины», – подумала девочка и принялась разглядывать тополь. Зелёный великан возвышался вровень с многоэтажками, а вокруг него, на травяном островке газона, желтели десятки одуванчиков. Сказочное место!

Под деревом стояла худощавая темноволосяя женщина в длинном, до самой земли сарафане. «Почему мама не носит такие платья?» – подумала Вика, но тут же вновь переключила внимание на загадочную женщину. У незнакомки были мольберт и краски, она что-то рисовала. А возле женщины на травке сидел мальчик, перебирал какие-то игрушки.

И уж совсем невероятное – пестрокрылая бабочка, за которой Вика следовала несколькими минутами ранее, вспорхнула крыльями и уселась на край мольберта, с минуту посидела там и улетела. Заворожённо девочка приблизилась к незнакомке.

– Здравствуйте, – выпалила она.

– Привет, – отозвалась женщина и улыбнулась. – Ты чья такая будешь?

– Мамина.

– Вот как?! А твоя мама не будет беспокоиться, что ты ходишь здесь одна?

– Нет, – Вика отрицательно мотнула головой, – она не будет переживать. Она сейчас с подругой, тётёй Наташей. Им весело, а мне скучно. Я к ним подхожу, а мама говорит: «Не слушай взрослые разговоры!», – и вдруг спросила: – А это ваш мальчик?

– Да, – ответила художница.

– А почему у него такие глаза странные? Он что, китаец? – спросила девочка.

Женщина улыбнулась.

– Он у нас инопланетянин.

– И-но-пла-не-тянин? – изумилась Вика. – А с какой он планеты?

– Он с Солнечной планеты, где всегда светит солнце. Там живут очень добрые мальчики и девочки, которые никогда не обзываются и не дерутся.

– Ух ты! А можно с ним поиграть? – спросила Вика.

– Конечно, можно, – ответила женщина с улыбкой.

Девочка внимательно рассматривала странного ребёнка.

– Ты и правда инопланетянин какой-то. Вот и нос у тебя маленький. А у вас на планете растут одуванчики?

Вика сорвала один цветок.

– Раз ты с Солнечной планеты, там должно быть всё жёлтое, даже цветы. Смотри, у вас есть такие?

Мальчик взял цветочек у Вики и потащил себе в рот.

– Ну, какой ты смешной! Их нельзя есть. На них можно дуть.

Нашла пушистый одуванчик.

– Смотри, на этот уже можно дуть. Давай вместе подуем. Только сначала нужно загадать желание.

Она показала, как надо дуть на одуванчик, и мальчик с восторгом принялся рассматривать белые пушинки, пролетающие мимо него. Вика тем временем подошла к женщине.

– А что вы рисуете? – спросила девочка.

– Вон тот куст сирени, видишь? Он сейчас очень красивый, – ответила женщина. – Нравится?

– Да. У вас здорово получается.

– Спасибо. Хочешь порисовать? У меня найдутся для тебя краски и бумага.

– Хочу! – радостно воскликнула Вика.

Художница усадила её на траву рядом с мальчиком, положила на колени Вики досщечку, чтобы было удобней расположить лист бумаги, дала краски и спросила:

– Ну, что будешь рисовать?

– Я нарисую планету, где живут инопланетяне.

И девочка приступила к рисованию. Женщина продолжала свою работу, а мальчик перебирал игрушки. Внезапно раздался громкий женский голос:

– Вика! Вика, иди сюда немедленно! Вот ты у меня сейчас получишь!..

Это была мама Вики, они с тётёй Наташей быстро шли через двор. Мама подбежала к девочке, подняла её и шлепнула. Вика заплакала.

– ...мы чуть с ума не сошли! – продолжала мама. – У меня из-за тебя чуть разрыв сердца не произошёл! Ты почему ушла?! Весь вечер сегодня будешь наказана! Ну, только придём домой, я тебе устрою...

Девочка заплакала ещё сильнее.

Художнице стало жаль Вику, и она сказала в её защиту:

– Просто вашему ребёнку стало скучно, вот она и пришла сюда. Она не хотела ничего плохого. Не ругайтесь, пожалуйста.

– Будет ещё указывать, как мне себя с моим ребёнком вести?.. За своим лучше следите, – сердито сказала мама Вики, тётя Наташа одобрительно закивала.

Мама взяла Вику за руку, и они пошли в свой двор. Девочка несколько раз оборачивалась, но мама лишь сильнее сжимала её руку.

По пути подруга спросила:

– Это кто вообще?

– Да художница какая-то... Видела её как-то раз. Пришла к нам во двор, встала со своими картинами напротив моей машины, я ещё выехать из-за неё не могла.

– Какая-то она не от мира сего.

– Понятно, почему – у неё ребенок даун.

Услышав непонятное слово, в разговор вмешалась Вика.

– Мам, а что такое – даун? Это так инопланетянин называется? – спросила девочка, всё ещё всхлипывая.

– Да какой инопланетянин! Господи, что она там тебе наплела? Всё, немедленно домой. Ты наказана!

Днём позже Вика встретила художницу на том же месте. Женщина дорисовывала куст сирени, делая последние лёгкие штрихи.

– А тебя мама искать не будет? – спросила художница.

– А я ненадолго, – девочка протянула художнице сложенный пополам листок. – Вот, возьмите.

– Что это? – женщина развернула лист и увидела рисунок: жёлтая планета, на которой растут одуванчики, резвятся мальчики и девочки. И надпись сверху: «Падарок инопланетянину».

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА КАБАНОВА

Родилась в 1932 г. в Омске. Ветеран педагогического труда, работала учителем русского языка и литературы, доцентом кафедры русской и зарубежной литературы Филиала ОмГПУ в г. Тара. Награждена орденом «Знак Почёта», орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью А. С. Пушкина.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ТАРЫ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Пожалуй, я не решусь говорить о литературной жизни Тары середины XX века. Скорее всего, это можно назвать литературным окружением.

Прежде всего для меня так удачно сложились обстоятельства, что я, как приехала в Тару в 1955 году, познакомилась с литературным объединением «Таёжные зори», которое было при редакции газеты «Ленинский путь». Сам коллектив воспринимался как интеллект Тары, её элита. Это были одарённые журналисты – Д. Д. Беляев, Я. С. Горчаков, И. В. Самсонов, Е. В. Королёва, начинающие журналисты Ю. Галицкий, М. Сильванович. Я не знала ни города, ни людей; моё общение – мои ученики и их родители. Поэтому каждый выпуск газеты – это форточка, окно в мир вокруг меня, возможность узнавать что-то новое. Всегда такие интересные публикации И. В. Самсонова, острые, проблемные.

В диалоге Сукача – Чашечникова «Отсюда начинается дорога по России» (в майском номере «Тарского Прииртышья» к 400-летию города) Л. Чашечников так чётко и трогательно сказал о коллективе, в частности об ответственном секретаре редакции Я. С. Горчакове: «Что касается литературы, поэзии, то и эта стезя берёт начало в Таре, в газете «Ленинский путь». Моими первыми редакторами были умные мужики: Самсонов, Беляев, Атяков, Горчаков.

Яков Горчаков был первым для меня поэтом, которого я встретил в жизни. Потом

я встречался и дружил со многими очень талантливыми поэтами, но Яша, Яков Степанович – особая статья – он был моим первым наставником... помню наши редакционные «литературные среды...»

Прекрасными были праздничные выпуски – то с новогодним алфавитом, то с чащушками, то с дружескими шаржами.

Я не пишуший человек, но на «Таёжные зори» попадала, когда были расширенные заседания, обсуждались стихи Л. Чашечникова, позднее – М. Сильвановича. Чашечников мне был знаком по встречам в институте студентов с молодыми поэтами, и Сильванович как личность тоже сразу привлёк внимание. Оба в общении оказались приятными людьми. Об атмосфере в литературном объединении тех лет вспоминает и М. Сильванович: «Руководил объединением ответственный секретарь редакции Яков Горчаков. Это было заметное явление в культурной жизни Тары, объявление об очередном заседании давалось в газете, на заседание можно было прийти даже не литераторам, но завсегдатаями всё же были поэты, прозаики». М. Сильванович вспоминал, как блистал Яков Горчаков, Владимир Коршунов, В. Губин, обсуждались рассказы Ю. Галицкого, директора школы № 7 Александра Герзона. Помнится, как слушали поэму Л. Чашечникова «Александр Сибиряк» (сам поэт называл её «Сашка Сибиряк»). И хотя отзывы были хорошие, автор не включал её в последующие сборники.

Невозможно не упомянуть Гришу Шабалина, Володю Коршунова, Олега Серенкова (фото). С В. Коршуновым некоторое время жили на одной улице, частенько обменивались мнениями о новинках литературы. Сдержанный, скромный, он был приятным собеседником.

Другим очагом, центром общения была библиотека. Надо отдать должное: всегда, повторяю всегда, и в последующие годы, всё, что готовили библиотекари для встреч с читателями, было продумано, интересно, привлекательно. А. В. Кучковская сумела объединить вокруг себя читателей, интере-

сующихся поэзией, новинками литературы. Совершенно разные люди по возрасту, социальному статусу, порой не зная точных имён друг друга, мы тянулись в тёплый, светлый, уютный читальный зал. Это были праздники души. А позднее притягательным центром для меня стала и библиотека Дома культуры. Привлекал богатый выбор спортивной периодики, книг по искусству, журналов в помощь художественной самодеятельности (в школе и этим приходилось заниматься). Бывало, перебежишь дорогу, наберёшь журналов и отдаёшься любимому чтению.

Мне повезло, что в школе № 11 я встрети-лась с настоящим книголюбем – с Колчиной Над. Ал.

Тогда не было уроков внеклассного чтения, но мы понимали, что именно в школе (а это значит, нам) надо формировать интерес к книге, руководить чтением, и избрали такой путь – знакомить ребят с произведениями, выдвигаемыми на соискание Нобелевской, Ленинской премий. А какие интересные устраивали литературно-историко-географические вечера. Помнится замечательный вечер о Кубе, когда ребята с упоением пели: «Куба – любовь моя! Стала легендой Куба». Тогда не было таких возможностей художественного оформления зала. Но на вечере о Сибири чтец торжественно начал читать:

«Неведомая, дикая, седая,
Медведицею белою Сибирь,
За Камнем, за Уралом пропадая,
Звала, звала в неведомую ширь.
Что в этой шири? Где конец раздолью?
А может быть, и нет у ней конца?
Но к ней тянулись за вольготной долей
Отчаянные русские сердца».
Зал замер.

А потом мы вышли за пределы школы. Мы организовали вечер, посвящённый Есенину. Тогда его только-только «вокресли». Н. И. Шабалина дала нам ноты ленинградского композитора, который некоторое время жил в Таре («Письмо к матери», «Не жалею, не зову»). Тогда в школе был уже вокально-инструментальный ансамбль. Успех полный.

И вдруг объявили о новом празднике – Дне учителя. Всего за несколько дней не успеть что-либо подготовить, так неожиданно ворвался он в жизнь. И мы решили выступить со своей композицией перед преподавателями. Встреча с прекрасным отозвалась теплом, восторгом в душах учителей, особенно у тех, кто был постарше. У К. И. Шабалина даже слезинки блеснули на глазах.

Интерес и любовь к литературе не остались незамеченными и у наших учащихся. Был такой благодатный период в жизни нашей школы № 11, когда в ней были только старшие классы и занимались мы в одну смену (вечером там была школа рабочей молодёжи). Никто никуда не спешил, можно было беседовать, обсуждать, что мы и делали. Готовясь к 50-летию выпуска, 11 класс выпустил сборник «50 лет после выпуска». Там есть для меня трогательные воспоминания Зои Новиковой: «Девочки, я вчера прочитала поэму Вознесенского «Аве Оза». – «Аве? Да ещё Оза? Что это?» – «Может, как «Аве Мария»? Да здравствует Мария? Надо собраться, обсудить». Отрывки из «Братской ГЭС» Евтушенко, «210 шагов» Роберта Рождественского читали на школьных вечерах Капа Дербенёва и Лида Амосова. Физики и лирики не ссорились, а сосуществовали. В. Агеев, А. Старовойтов, В. Яранов, Л. Маркитанова, В. Чулковский, К. Дербенёва пробовали писать. А Л. Маркитанова издала в Ленинграде поэтический сборник «Венерины башмачки».

Не могу не сказать и о В. М. Енине. В любой ипостаси, как приходилось встречаться (директор школы № 7, директор ШРМ, председатель исполкома), он оставался книголюбом и знатоком современной литературы. Успевал прочитать, бывало, раньше нас. Помню, как он, почти возмущаясь, говорил: «Как? До сих пор не прочла «В августе 44-го» Богомолова?! Такой психологизм этой вещи».

Так сложился и личный круг общения. Я всегда выписывала «Юность», «Сибирские огни», «Роман-газету», сестра – «Новый мир», «Октябрь», мои друзья Базильские –

«Иностранную литературу». Обменивались и журналами, и мнениями. Это позволяло нам быть в курсе литературной жизни страны, ощущать её пульс.

Нам хотелось даже повлиять средствами литературы на выбор жизненного пути нашими воспитанниками. Когда ещё не было ТВ, представление о профессиях (кроме врачей, учителей, агрономов) были ограничены. И тогда мы несколько раз давали для одиннадцатого класса домашнее сочинение «Моя будущая профессия в художественной

литературе». В классном уголке появлялся огромный список (рекомендательный) литературы, начиная с почтальона и кончая геологами. Мы считали, что, прочитав нужные книги, ребята смогут соотнести свои представления с тем, что прочли. Открыть новые грани будущей профессии, о которых пока не знали.

Следующий этап – «Вечера на Александровской». Но это совершенно особая страница литературной жизни, о которой расскажут другие.

СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА ЗАБОРОВСКАЯ

Родилась в 1955 г. в Омске. Работает режиссёром – педагогом по сценической речи в Омском Северном драматическом театре им. М.А. Ульянова. Председатель Тарской районной общественной организации «Историко-краеведческий центр «Тарский уезд», занимающейся сохранением и популяризацией историко-культурного наследия Тары и Тарского Прииртышья. Под её руководством регулярно организуются встречи с потомками купеческих фамилий, краеведами, круглые столы и конференции по краеведческой проблематике. Автор инсценировок для театра по классическим произведениям. Как драматург представляет свои работы впервые.

ЩЕРБАКОВСКИЙ САД (СЦЕНЫ ИЗ КУПЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ)

За сценой слышно пение «Боже, царя храни».

Гость из Петербурга (*за сценой*). Ну вот уже лучше, потом всё идёт, как и задумано, дамы, не загораживайте воспитанниц гимназии.

Горничная и Приказчик (*входят с самодельной картой*).

Так вот я и говорю, что их Высочество, путешествуя по свету уже не раз, маршрут менял. Вначале должен был по железной дороге ехать, а потом переменял решение и поехал водным путём. И что это для нас означает?!

Горничная. И что же?

Приказчик. А то, что по плану, их Высочество прибывает к Тарской пристани завтра (*шепчет на ухо*).

Горничная. Так это уже совсем скоро.

Приказчик. Только никому?!

Горничная. Голову на отсечение.

Приказчик. Я карту составил всего путешествия Цесаревича, и своячник у меня на телеграфе, он-то меня и извещает. (*Показывает карту.*)

Горничная. Так это получается, что Цесаревич из самой Японии к нам прибывает.

Приказчик. А до того вон сколько стран посетил, и Индию, и Китай.

Горничная. А вы, Семён Васильевич, показывали нашу карту нашему гостю из Петербурга?

Приказчик. Вот ещё чего. Его этим не удивишь... Да он по большей части барышень обучает, как себя вести при встрече с их Высочеством. А у наших матушек совсем голов нет на плечах, следуют всем его советам.

Горничная. И даже сама супруга нашего хозяина купилась на его рекомендации и пошла себе красное платье, хотя терпеть не может этот цвет. А младшая дочь Пятковых так совсем скромность потеряла. По саду со своей гувернанткой гуляет, как будто бы занятие у них на свежем воздухе, а сама глаз не сводит с дверей квартиры, где гостит Александр Иванович. А вчера явилась к нему со своей матушкой, чтобы он послушал, какую речь та будет произносить, когда букет его Высочеству преподнесёт.

Приказчик. Пяткова сама с дочерьми. (*Быстро уходят.*)

Пяткова (*к Александре*). Как так, милая моя, можно себя вести, не забывай, ты племянница городского головы, твой отец всеми уважаемый человек, и не надо пользоваться тем, что он сейчас занят важными делами.

Александра (*рыдает*).

Татьяна (*обращаясь к Пятковой*). Вот, мама, ваше воспитание, вы все капризы исполняете, вот она и привыкла...

Подумаешь, не она будет букет вручать. Выучила бы речь как следует, и не получилось бы такого конфуза.

Александра. Я учила, как Александр Иванович велел, а Маша Носкова, ещё подруга называется, её по-французски сказала, вот и Александр Иванович, её послушав, сказал, что по-французски благороднее звучит.

Татьяна. Но кто же виноват, что ты французский никак не осилишь?

Александра. Зато я стихи лучше рассказываю.

Племянница Щербакова. Я вам не помешаю, если немного помузицирую?

Пяткова. Не помешаешь, голубушка.

Входит Носкова Маша, пытается успокоить Александру.

Носкова Маша. Ты прости меня, Сашенька, но я же не сама, меня начальница гимназии назначила, и Александр Иванович согласился с ней, что его Высочеству приятней будет слышать речь на французском языке.

Пяткова. Значит, так, ещё не хватало, чтобы вы перессорились... Я, как член попечительского совета вашей гимназии, предложу сейчас самой начальнице вручить букет Цесаревичу.

Татьяна (*говорит по-латыни*).

Пяткова. Что ты сказала?!

Татьяна. Я говорю, мудрое решение.

Пяткова. Замучила всех своей латынью, вон с щербаковским садовником на ней беседы разводи, а мы как-нибудь по-русски.

Татьяна. А мне нравится с образованным человеком общаться.

Появляется садовник.

Садовник. Барышня Татьяна Михайловна, без вашего совета не решусь на окончательный вариант букета для его Высочества. (*Текст на латыни*)

Они как раз набрали цвет в оранжерее, может, взглянете на них?!

Пяткова. Вот и пойми их!

Садовник. Вы уж простите нас, Елизавета Яковлевна, но без Татьяны Михайловны мне сложно принять решение.

Татьяна. Мама, я, пожалуй займусь полезным делом.

Садовник. Благодарствую, сударыня.

Пяткова. Вот и пойми их. (*Уходит с Татьяной.*)

Щербаков Ф. И. с гостем из Петербурга.

Щербаков Ф.И. Ну вот, дражайший Александр Иванович, с божьей помощью и

вашиими советами всё и подготовили к встрече с Цесаревичем. Жаль только, что Вас в этот торжественный момент с нами не будет. Нас ведь впервые за всю историю августейшая особа посещает.

Александр Иванович. Да я бы с удовольствием ещё побыл среди вашего благородного семейства, но дела торопят, так что не обессудьте.

Щербаков Ф.И. Вы расскажите своему батюшке о нашей таёжной жизни, всё как есть, ничего не надо приукрашивать. Гостинцы для него уже приказчик упаковал.

Александр Иванович. Премного благодарен.

Щербаков Ф.И. Мы ведь с ним вместе на одной студенческой скамье проучилась два курса университета. Молодые были, порой заносило нас не в ту сторону, ну вот прошли годы, и остепенились. Отец ваш до действительного статского советника дослужился, ну а я, как младший сын своего отца, вернулся в наш медвежий угол. Должен был здесь отцовское дело продолжить.

Старший брат Алексей уже в Тюмени капиталы приумножал, свою писчебумажную фабрику под Тюменью открыл. Дочка его в гостях у нас сейчас, тоже хочет Цесаревича увидеть.

Александр Иванович. Да, премиленькая у вас племянница, Фёдор Иванович. Стишки пишет, в литературе смыслит, а дамы ваши по манерам не уступят и петербургским.

Щербаков Ф.И. Да многие приезжие отмечают наше уездное благочиние. Хотя живём скромно...

Александр Иванович. Ох, не скромничайте, Фёдор Иванович, живёте с размахом. Посетил я ваше винокуренное предприятие, впечатляет, а сад ваш сродни Петергофскому парку.

Щербаков Ф.И. Это всё благодаря стараниям садовника, я его из вятской губернии перевёз, еле уговорил.

Александр Иванович. Да, Фёдор Иванович, кстати, как там получилось солонку-то изготовить к серебряному блюду для его Высочества?

Щербаков Ф. И. Всё получилось по вашему совету с таёжными пейзажами. Сейчас сами увидите. *(Звонит колокольчиком.)*

Появляется приказчик.

Щербаков Ф. И. Принеси-ка из моего кабинета солонку.

Приказчик. Сию минуту. *(Уходит.)*

Щербаков Ф. И. Сам городской голова одобрил идею насчёт солонки. Все подносят Цесаревичу серебряные да позолоченные блюда, а вот солонки с блюдом ни у кого нет. Я уже справлялся.

Появляется Приказчик с солонкой.

Приказчик. Вот, извольте.

Александр Иванович. Красота, с каким вкусом выполнена, дорогая работа.

Щербаков Ф. И. Дражайший Александр Иванович, я вас покину на несколько минут. А к вам женская делегация. Просят вашего внимания.

Входят Щербакова с племянницей, художница, Пяткова с дочерьми.

Щербакова. Дражайший Александр Иванович, выражаем вам глубочайшую признательность, что вы уделили нам столько внимания и приняли участие в нашем благотворительном спектакле. В знак благодарности от нашего дамского сообщества примите набор наивкуснейшего чая. Наши мужья привозят его из Кяхты. А в качестве сюрприза наша талантливая Виктория преподнесёт вам альбом с рисунками.

Александр Иванович. Кяхтинский чай!

Художница *(подавая альбом гостю из Петербурга).* Здесь запечатлены события, связанные с вашим пребыванием в нашем таёжном провинциальном городе.

Александр Иванович. Интересно *(листает альбом).*

Художница. Это вы на щербаковской даче в Екатерининском, а это вы на репетиции спектакля «Не всё коту масленица».

Александр Иванович *(рассматривая рисунки).* Как всё натурально, как на фотографии. Я вам бы посоветовал устроить выставку работ в какой-нибудь столичной

галерее. У меня есть приятель в академии художеств, я с ним переговорю.

Художница. Я буду вам очень признательна.

Пяткова. А мы с дочерьми, может, и увидимся с вами по осени в Москве. Вы же говорили, что часто бываете по делам в Москве.

Александр Иванович. Буду рад, если удастся встретиться. А вы по каким делам, смею полюбопытствовать, в Москву собираетесь?

Пяткова. Моя старшенькая будет держать экзамен на высших женских медицинских курсах.

Входит Щербаков.

Александр Иванович. А вы, Фёдор Иванович, говорите, медвежий угол. Да я, может, стою рядом с медицинским светилом.

Племянница Щербакова. Подпишите ваши стихи, пожалуйста.

Щербаков Ф. И. Да вас не хотят отпускать, Александр Иванович, коляска уже подана.

Дамы *(все вместе).* Не хотим, не хотим, чтобы Александр Иванович уезжали.

Александра Пяткова. Оставайтесь с нами, Александр Иванович.

Вбегают дети, которые играют в прятки.

Щербаков Ф. И. Куда, пострелята? Нечего вам здесь делать, когда взрослые разговаривают.

Дети прячутся под стол, накрытый скатертью до пола. Входит горничная с подносом и рюмкой водки.

Садовник. Татьяна Михайловна.

Татьяна уходит, за ней Племянница Щербакова.

Щербаков Ф. И. На посошок.

Александр Иванович *(пьёт).* Крепка наливочка с вашего винокуренного.

Щербаков Ф. И. А мы вам на дорожку нашего винца упаковали, чтобы до Петербурга ехали не скучали.

Александр Иванович. Премного благодарен. Всем буду рассказывать, как в таёжном городе встретил писанных красавиц и их щедрейших мужей. А вы *(обращаясь к*

Щербаковой) с вашими талантами могли бы открыть в столице светский салон.

Щербакова. Это общение с вами, дражайший Александр Иванович, столь благотно действует на нас.

Щербаков Ф.И. Присядьте на дорожку, Александр Иванович, и в добрый путь.

Дамы плачут, Александр Иванович уходит
в сопровождении.

Входят садовник, Татьяна Пяткова и племянница
Щербакова Ольга, у каждой по букету цветов.

Татьяна Пяткова. Я думаю, этот букет лучше.

Племянница Щербакова. Этот намного эффектнее.

Садовник. Милые дамы, я думаю, наш спор, какой из букетов подарить Цесаревичу, рассудит Фёдор Иванович.

Ольга. Верно, все Щербаковы имеют хороший вкус, а уж в цветах знают толк. У моего папеньки в Тюмени аж две оранжереи, и все важные особы, что в Тюмень приезжают, высоко ценят искусство флористики служащих наших оранжерей.

Татьяна. Ну куда уж нам, Пятковым, до вас. Только мы с Василием Никитичем сформировали букет, все составляющие которого имеют свой знак. И это цветы для мужчин.

Татьяна Пяткова. Ну вот и решили. *(Уходят в сад.)*

Племянница Щербакова *(демонстративно уходит в свою комнату)*. Всё расскажу папеньке.

Входит Фёдор Иванович Щербаков,
Пятков Андрей Фёдорович и Городовой.

Пятков Андрей Фёдорович. Ну вот, не дали как следует с важным гостем попрощаться. Он ведь в Петербурге невесть что может в Департаменте о нас наговорить.

Городовой. Так дело важное, Андрей Фёдорович, простите, не уследили. Он у самой пристани, как свою тройку ломовых по только что вымощенной дороге пустил, а она гружённая лесом, я ему кричу: «Стой, зараза, дорога свежая», а он меня в сторону и прёт. У него, видите ли, баржа проплачена заранее.

Пятков Андрей Фёдорович. Нет управы на этих лесоторговцев!

Щербаков Ф.И. Какой скандал! А ежели его Высочество захочет по городу прогуляться, взглянуть, так сказать, как всё обустроено, как поданные его поживают...

Пятков Андрей Фёдорович. Ко всему нужно быть готовым. *(Дает команду городовой.)* Срочно поднять пожарную команду, служителей тюремного замка, казаков, и чтоб до вечера дорога была как новенькая.

Городовой. Так, Андрей Фёдорович, помилуйте, все ж по своим местам, кто флаги развешивает, кто фейверк готовит, вон только пятьдесят человек фасады подновляют.

Пятков Андрей Фёдорович. Знать ничего не хочу, за всё головой за порядок ты отвечаешь.

(Щербакову.) А я к вам, Фёдор Иванович, по важному делу. Посмотреть, как выглядит наш подарок от тарского купечества. Изготовили ли солонку, о которой Александр Иванович нам говорил?

Щербаков Ф.И. Всё сделано, как Александр Иванович советовали. *(Приказчику)* Покажи-ка, Семён Васильевич, солонку.

Приказчик. Так, Фёдор Иванович, вот как принёс, вы ж её Александру Ивановичу показывали.

Щербаков Ф.И. Ну принёс, так где ж она, ежели принёс?

Приказчик. Вот здесь и была, на столе. Вы же не приказывали её уносить.

Щербаков Ф.И. А сам ты не додумался, это же вещь государственного, можно сказать, назначения?

Приказчик. Виноват-с. Может, ты, Марина, прибрала? *(Обращаясь к горничной.)*

Горничная. Нет-с, началось... Я так и знала, что крайней буду. *(Плачет.)*

Щербаков Ф.И. Так! Слезы в сторону. Кто последний держал солонку в руках?

Приказчик. Так Александр Иванович и держали. Ещё говорили, работа какая великолепная, мастера хвалили.

Щербаков Ф.И. Ты меня без ножа зарезал. *(Обращаясь к Пяткову.)* Что делать будем, городской голова?

Пятков Андрей Фёдорович *(приказчику)*. Может, поискать надо хорошо.

Приказчик. Так где ж её искать? Ежели она точно тут была.

Пятков Андрей Фёдорович (*к Щербакову*). Остаётся одно, многоуважаемый Фёдор Иванович. Спросить у вашего гостя из Петербурга.

Щербаков Ф. И. Так коляска уже к пристани подъезжает.

Пятков Андрей Фёдорович. Передай мой приказ городовому: остановить лошадей, спросить у Александра Ивановича о солонке. Остановите коляску да спросите у Александра Ивановича, только повежливее, поделикатнее.

Городовой убегает.

Приказчик. Да, это он! Я давно подозревал, что не зря он эту солонку нам изготовить посоветовал, да чтоб туда вставить ещё и камня подороже.

Входят дамы.

Щербакова Н. П. Проводили, какая потеря для нашего общества!

Щербаков Ф. И. Потеря! Вот действительно потеря!

Щербакова Н. П. А что за тон, дорогой Фёдор Иванович?

Щербаков Ф. И. Так солонка потерялась!

Щербакова Н. П. Что, у нас солонки мало?

Щербаков Ф. И. Сейчас мне не до шуток.

Приказчик. Да как ловко в доверие вошёл!

Щербакова Н. П. Это вы о ком?

Щербаков Ф. И. Не горячись, Семён Васильевич. Да о госте о нашем, из Петербурга.

Щербакова Н. П. Его в чём-то подозревают?

Щербаков Ф. И. Да нет, не подозреваем, просто спросить нужно, не видел ли он солонку, что приготовили в подарок его Высочеству.

Пяткова Александра. Как можно даже в мыслях допустить, чтобы такого человека останавливать? Как можно, господа?

Художница. Он же обидеться может, а ведь Александр Иванович в Академии художеств мои работы хочет показать.

Пяткова Татьяна. Да вы что, голубушка, о себе возомнили? Чтобы вашу мазню да в академию художеств?

Художница. А вы думаете, если у вас дом каменный, так можно позволять себе говорить в таком тоне с окружающими?

Племянница Щербакова. Мне папёнька говорил о тонком обращении в тарском обществе, что купеческие дочки здесь хорошему тону обучены. Я такого не ожидала услышать от будущей медицинской светилы, так вас, кажется, назвал Александр Иванович.

Пяткова Татьяна. Я-то, к вашему сведению, и не очаровывалась гостем из Петербурга. А вы за ним со своими альбомчиками по пятам ходили, поэзией его восторгались да наряды каждый день меняли.

Племянница Щербакова. Я дочка коллежского асессора Щербакова и не позволю, чтобы со мной в таком тоне . . .

Звук подъезжающей коляски,
вбегает садовник.

Садовник. Как можно господа, как можно, я два месяца этот газон выращивал!

Появляется городовой, впереди себя ведёт
Александра Ивановича.

Городовой. Вот, доставил.

Александр Иванович. В чём дело, господа? У меня пароход. . .

Пяткова А.

О, друг мой верный и прелестный,
Девичьих грёз, мечтаний свет.

Пиит божественный, известный,
Я вас люблю, сомнений нет!

Щербаков Ф. И. (*Городовому*) Так что ты, дурень, я тебе сказал, спросить?

Городовой. Так я спросил, а мне по лицу, а я и подумал, возмущается, значит виноват, у нас завсегда так!

Щербаков стучит по столу. Из-под стола выкатывается солонка, все смотрят на неё. Все смотрят на солонку, звучит «Боже, царя храни».

Щербаков Ф. И. (*Обнимая Александра Ивановича*) Дражайший Александр Иванович!!!

Поклон.

Ирина Николаевна Сумина

Родилась в 1972 г. в Таре. Руководит архивным отделом Администрации Тарского муниципального района. Статьи публиковались в научных сборниках (Омск, Тобольск, Тара).

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КРАСНОВА

Николай Иванович Краснов. Талантливый педагог, авторитетный наставник и коллега, лектор-международник, пропагандист общества «Знание» с 1950 года (Общество образовано в 1947 г.), поэт-эпиграмматист... Трудно перечислить все грани этого феноменального человека. «Непререкаемый моральный авторитет, энциклопедические познания, кажется, во всех областях нашей жизни выделили его среди интеллигенции нашего города, которая единодушно признала в нём своего лидера, наставника» – написал о Николае Ивановиче тарский краевед А. И. Юрьев.

Идея о создании в муниципальном архиве личного фонда Николая Ивановича Краснова возникла ещё в середине 90-х годов прошлого века, и только в 2015 году благодаря супруге Николая Ивановича Альвине Феликсовне Зинкевич в Тарском муниципальном архиве приступили к её осуществлению. По материалам, переданным в архив, проведён отбор и систематизация документов и составлена опись из 29 дел. Хронологические рамки фонда охватывают период с 1950 по 2014 годы. В нём представлены биографические, творческие документы, документы служебной и общественной деятельности, письма, фотографии.

Сегодня мы публикуем некоторые страницы из биографии Н. И. Краснова, записанной и переданной в архив А. Ф. Зинкевич, позволяющие понять, что за профессиональными, человеческими, творческими достижениями Николая Ивановича стоят не только данные природой способности и качества, но и огромный труд, терпение,

самовоспитание, преодоление трагических жизненных обстоятельств (голод, нищета, невозможность получить настоящее образование, ограничение круга общения и мн. др.), сопровождавших жизнь репрессированной семьи.

Н. И. Краснов родился 14 августа 1929 года в с. Шило-Голицино Ртищевского района Саратовской области. Отец Николая Ивановича – Иштван Лазаревски, мадьяр (венгр) по национальности, родился на территории современной Румынии в 1898 году. Учился в Будапеште, получил серебряную медаль. До Первой мировой войны работал помощником капитана на пароходе на Дунае. С началом войны был призван на фронт и в 1916 году во время «Брусилковского прорыва» попал в русский плен. В России стал сторонником коммунистических идей. Как и тысячи соотечественников, с началом революции добровольно и сознательно остался в России строить Советскую власть. В России стал носить имя Краснов Иван Николаевич (по фамилии русского гражданина Григория Григорьевича Краснова, который принял его в свою семью и дал свою фамилию). Женится Иван Николаевич на русской Анне Тимофеевне, мать которой работала «нянькой» в семье Яблочкова П. Н. – изобретателя дуговой лампы. До сентября 1941 года Иван Николаевич Краснов работал секретарем Шило-Голицинского сельсовета Ртищевского района Саратовской области.

16 сентября 1941 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года семья Краснова Ивана Николаевича (жена, пять детей, усыновитель Григорий Григорьевич, 1869 года рождения) была выслана на спецпоселение эшелонам 737 в г. Омск. При депортации у семьи было отобрано всё имущество: дом-пятистенки, в котором после войны был колхозный детский сад, корова, 12 овец, 3 тонны пшеницы, 10 пчелосемей, ружьё и др.

Спецпоселение определили в селе Строкино Колосовского района Омской области (из Омска в место поселения добирались по Иртышу на барже). По прибытии в октябре

1941 года отца забрали в трудармию, мать с бабушкой и пятью детьми на руках стали жить в выкопанной собственными силами землянке.

Жили трудно. Григорий Григорьевич с детьми возили на санках хворост, мать подрабатывала на маслозаводе, за несколько картофелин подшивали селянам валенки, вязали носки. Каждый месяц отмечались в Колосовской спецкомендатуре, которая находилась в 10 километрах от Строкино. Младший из детей, Валечка, не дожив до года, умер от холода и недоедания прямо на руках своей «няньки» – 12-летнего Николая. Думая, что брат мёрзнет в холодной землянке, прижимал к себе до прихода матери уже окоченевшее тело ребёнка, чтобы согреть его. Это осталось самым сильным трагическим потрясением в жизни Николая Ивановича и его семьи.

После окончания войны отец Николая Ивановича Иван Николаевич вернулся из трудармии больным, без одной руки (оторвало станком) и работать больше не смог.

Трудовая деятельность Николая Ивановича началась рано. Учась в старших классах, подменял ушедших на фронт, заболевших учителей по русскому и немецкому языкам, литературе, а с 1947 года начал работать в школах Колосовского района и заочно учиться в Тарском педучилище. На сессии ходил пешком (более 70 километров) в кирзовых сапогах, в них же ежедневно ходил в школы в соседние села на занятия. Юноша мечтал поступить в МГИМО, но спецпереселенцу туда и во многие другие вузы путь был закрыт. Поэтому (тоже заочно) окончил Омский педагогический институт. По большинству дисциплин был аттестован на «отлично». Кстати, официальную справку о реабилитации Николай Иванович получил только в 1996 году. Из справки: «Краснов Николай Иванович... на спецучет по национальному признаку поставлен по достижении 16 лет. 18 сентября 1952 года с учёта спецпоселения снят». Три строчки из справки, за которыми детство, юность спецпоселенца, прошедшие «под

оком комендатуры», запрет на получение образования, достойного его природными способностями, невозможность без препятствий строить нормальную жизнь. «Попади он в молодости, – писал доктор филологических наук, профессор А. Асоян, профессор, доктор филологических наук, – в дружную среду, получи своевременный доступ к стоящим книгам, он, конечно, намного бы превзошел своих учителей. Он и так превосходил их, но прежде всего в своих потенциальных возможностях, ибо реальные были невелики... В глухомани такому человеку, как Краснов, легче было сохранить жизнь, но труднее остаться собой, поскольку он существовал почти в торричеллевой пустоте, хотя наивная душа его, – душа, а не ум, – всегда нараспашку... Он хорошо знал, что, не будь тоталитарного надзора, сам был бы академиком, и вместе с тем остро чувствовал нехватку воздуха, глубокой смысловой культуры. Это чувство обострялось из-за природной чуткости. Она исключала какое-либо заострение его личности и какую-либо предвзятость к человеку, какой бы пост тот ни занимал... Он был по рождению добр, аристократически деликатен и не только берёг свою душу, но и не посягал на чужую, хотя с откровенными подлецами за стол вроде бы не садился...» В соответствии с собственной природой складывалось его общение с учениками, когда полностью исключались «принудительные ситуации», а уроки проходили в атмосфере сотрудничества, творчества, поиска истины.

В 1969 году Николай Иванович (после развода с первой женой) переехал в Тарский район и по предложению своего друга А. В. Черняева поступил на работу в Екатеринбургскую среднюю школу, где в марте этого же года познакомился со второй женой Зинкевич А. Ф., с которой прожил 34 года (до своей смерти). Позже, переехав в Тару, работал в образовательных учреждениях города, в том числе в Тарском филиале Омского государственного педагогического института. Общий стаж работы в школе – 56 лет. До последнего дыхания он думал об уче-

никах. Будучи тяжело больным, по просьбе директора школы-интерната преподавал и принимал экзамены в выпускном классе в мае, июне 2003 года, а через месяц, 21 июня 2003 года, ушёл из жизни.

К счастью окружающих, главным делом жизни Н.И.Краснова стало учительство. «Школа была для него *profession de foi*, исповеданием веры, и здесь он сам чувствовал себя государственным человеком, а может быть, гражданином мира... Полагаю, что учиться у Н.И. Краснова для детей любого возраста, особенно старшеклассников, – большая удача, школьное счастье. Такие талантливые учителя – самый дорогой фонд народного образования... Такой свободы, какая царила в его классе, я никогда не видел... Что касается содержания, то оно не могло не задеть даже самого ленивого ума. Так был выстроен урок, и при всей своей воздушной артистичности он не был импровизацией. Я не раз заставлял Николая Ивановича за тщательным трудом: человек, проработавший в школе полвека, с озабоченностью вчерашнего студента кропотливо подбирал газетные и другие вырезки

для следующего дня, чертил какие-то диаграммы, разрабатывал тесты, режиссировал проблемные ситуации».

В статье «Дилетант о партийной философии», опубликованной в 2000 году в еженедельнике ОмГПУ «Гуманитарные исследования», Николай Иванович Краснов написал: «И я горжусь тем, что не принадлежал ни к каким политическим партиям, прослужил вечному институту «Учитель-ученик» более 50 лет, был не раз гоним за отклонения от генеральной линии, но в принципе не изменял никогда философии жизни».

Избитая фраза: люди живут, пока о них помнят. В том, что Николая Ивановича будут всегда с благодарностью вспоминать его близкие, ученики, друзья – нет сомнений. Надеемся, что с созданием архивного фонда память об этом человеке останется и в будущих поколениях наших земляков.

Литература:

Краснов, Н.И. Избранное: Воспоминания, письма, статьи, стихи / под ред. проф. А.А. Асояна. – Тара, 2005. – 160 с.

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

«СИБИРЬ УЧИТ ОСНОВАТЕЛЬНОСТИ МЫШЛЕНИЯ...»	3
ПОЭЗИЯ	
Александр Милевский	4
Светлана Шумило (Авласович)	5
ПОЭТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП	
Елена Атюрьевская	11
Константин Тигов	11
РОБКИЕ СТРОЧКИ	
Павел Бикетов	12
Наталья Лавренц	12
ДЛЯ ЮНЫХ ТАРЯН	
Надежда Панфамирова	13
Наталья Кускова	14
Ольга Старинская	17
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ	
Марина Безделева	18
Диана Кан	21
Светлана Курач	23
ПРОЗА	
Александр Тихонов	27
Татьяна Комылина	35
Константин Тигов	38
Татьяна Синяк	43
ЖИВОЕ СЛОВО	
Евгения Алексеевна Кабанова	46
ДРАМАТУРГИЯ	
Светлана Павловна Заборовская	49
ИЗ АРХИВОВ НАШЕЙ ПАМЯТИ	
Ирина Николаевна Сумина	54

ТАРЯНЕ

Литературно-краеведческий альманах

Выпуск II

Подписано в печать 15.12.2015.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 136.

Отпечатано в ООО «Амфора»
644024, Омск, ул. Почтовая, 38.
Тел./факс: (3812)531-278
e-mail: amfora2002@inbox.ru